

Дамье Вадим. Анархистское рабочее движение: ФОРА в Аргентине между двумя мировыми войнами

2013, источник: [здесь](#). Из книги "Забытый Интернационал. Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами" (Т.1. М., 2006. С.44-45, 148-163, 474-489; Т.2. М., 2007. С.200-207, 566-567, 612-614)

В Аргентине в создании первых рабочих организаций принимали участие Малатеста и другие видные анархисты. В 1901 г. возникла общенациональная рабочая федерация (с 1904 г. - Аргентинская региональная рабочая федерация - ФОРА). Уже через год после создания из нее ушли социал-демократы, а в 1905 г. конгресс ФОРА рекомендовал всем

своим членам пропагандировать среди рабочих «экономические и философские принципы анархистского коммунизма». Тем самым аргентинская организация трудящихся отвергла не только концепцию «самодостаточности» синдикализма, но и идею «нейтральных» профсоюзов (как французских революционных синдикалистов, так и Малатесты). ФОРА организовала ряд всеобщих забастовок и стачку квартиросъемщиков (1907 г.)[1]. «Надо сказать, что анархистское движение здесь - единственное во всем мире, - писал в 1907 г. один из корреспондентов европейских либертарных газет, - поскольку здесь почти все рабочие - анархисты»[2].

Аргентинская ФОРА в эпоху «кровавой недели» и Патагонского восстания

Ко времени окончания Первой мировой войны Аргентинская региональная рабочая федерация (ФОРА), несмотря на раскол 1915 г., отделивший от нее сторонников объединения с социалистическими профсоюзами и «чистых» синдикалистов (ФОРА-IX), оставалась наиболее значительной организацией в рабочем движении страны и одним из самых влиятельных профцентров Латинской Америки. Она пришла в мировое анархо-синдикалистское движение собственным путем, отличным от европейского революционного синдикализма. Провозгласив в 1905 г. своей целью «анархистский коммунизм», ФОРА считала себя продолжателем линии бакунистского крыла Первого Интернационала. Аргентинский исследователь Антонио Лопес отмечает явные черты сходства в содержании и даже в терминологии между резолюциями конгресса антиавторитарного Интернационала в Сент-Имье (1872 г.) и документами его испанской секции (Испанской региональной федерации трудящихся), с одной стороны, и основополагающими документами ФОРА («Пактом солидарности», «Организационной системой» и «Декларацией принципов»), с другой[3]. ФОРА не испытала на себе непосредственного влияния французского революционного синдикализма и продолжала именовать свои рабочие союзы не синдикатами, а традиционным термином «общества сопротивления». Она не видела необходимости ни в каком «новом курсе»[4].

В организационном отношении ФОРА представляла собой федеративное объединение таких рабочих обществ, созданных преимущественно на профессиональной основе и связанных узами солидарности и взаимопомощи. Ее «центральный» орган - Федеральный совет, согласно утвержденной системе, должен был быть всего лишь центром связи и посредником между ними.

В отличие от европейского революционно-синдикалистских профсоюзов, ФОРА была одновременно организацией профсоюзной и идейно-анархистской. Она вела борьбу теми же методами «прямого действия», что и революционный синдикализм (стачки, бойкот, саботаж и т.д.), но отвергала идейную нейтральность, выдвигая вместо этого недвусмысленно сформулированную анархо-коммунистическую цель. ФОРА была анархистским рабочим движением. Таким образом, она задолго до европейского анархо-синдикализма (и гораздо более последовательно) следовала принципу: анархизм - это цель, синдикализм - средство

его достижения. Если сравнивать ее позицию с теми спорами, которые велись в европейском либертарном движении вокруг синдикализма, то станет очевидным, что аргентинские рабочие-анархисты не разделяли ни революционно-синдикалистского представления о самодостаточности революционных профсоюзов, ни концепции Малатесты об анархистской работе в единых профсоюзах при одновременном существовании отдельной организации анархистов. ФОРА, как она себя понимала, – «это ни анархистская «партия», ни синдикалистская организация..., она – конкретизация наших идей и наших надежд, принесенных в рабочее движение и поставленных на службу полному освобождению пролетариата..., движение угнетенных и эксплуатируемых, которое отвергает угнетение и эксплуатацию человека человеком, самая широкая человеческая концепция, которая только может существовать»[5].

Выступая за социальную революцию, свержение экономической системы капитализма, ликвидацию государственной власти и утверждение вольного коммунистического общества, ФОРА однако отказывалась давать какие-либо конкретные формулировки того, как должно или может выглядеть это общество. Теоретики ФОРА считали, что оно в любом случае не должно быть продуктом существующих общественных структур – будь то господствующих или тех, которые ведут с ними борьбу. Они верили в спонтанное революционное творчество масс, избавившихся от угнетения и вновь обретших стремление к солидарности, считая необходимым «дать жизнь чувствам, идеям, надеждам», а не «холодно рассчитанным планам». Свободные люди должны были сами придать новому обществу анархистского коммунизма его форму. «ФОРА отвергает издание законов относительно будущего, – подчеркивали ее активисты, – не изобретает способ будущей организации и заявляет, что невозможно предвидеть, какие формы примут будущие экономические и социальные органы свободной жизни»[6]. Для них было скорее ясно, чем новое общество не должно было быть: рассеянные на страницах книг, изданий и документов ФОРА высказывания позволяют понять, что аргентинские рабочие-анархисты представляли себе его как систему без централизованной экономики и огромных промышленных предприятий, без государства и классов, без денег. Все это следовало не передать в руки синдикатов, а сломать. Такой подход соответствовало основным положениям анархо-коммунизма, как они были сформулированы Кропоткиным. «Позитив» ФОРА высказывала в самой общей форме: автономные коммуны свободных людей и их ассоциации были для нее «элементарным принципом» ее идеологии, основой реорганизации общества, «подлинными ячейками социального организма»[7].

Аргентинские анархисты приветствовали русскую революцию, но из-за отдаленности далеко не сразу смогли разобраться в происходящем. «Ла Протеста» выражала симпатию по отношению к революции и большевизму, но отнюдь не безоговорочную, а скорее выжидательную. Однако появилось и новое течение, получившее название «анархо-большевиков». Оно начало издавать газету «Ла Бандера роха» и сумело за короткий период времени довести ее тираж до 20 тысяч.

Революция в России и окончание Первой мировой войны способствовали новому взлету рабочих выступлений. В ходе их синдикалистская ФОРА-IX нередко тормозила движение, ориентируясь на государственное посредничество. В 1917 г. власти с помощью арбитража прекратили всеобщую стачку железнодорожников. В том же году во время забастовки

моряков профсоюз, входивший в ФОРА-IX, проголосовал за проведение всеобщей стачки, но лидеры федерации, во избежание конфликта, приняли арбитраж шефа полиции[8]. 19 июля 1918 г. анархистская ФОРА призвала к всеобщей стачке солидарности с железнодорожниками Южной и Тихоокеанской компаний. ФОРА-IX сорвала забастовку[9].

7 января 1919 г. вооруженные гвардейцы открыли огонь по рабочим бастовавшей с декабря в столице металлургической фабрики «Васена», которые забрасывали камнями штрейкбрехеров. Рабочие требовали сократить рабочий день с 11 до 9 часов. В ходе возникшей перестрелки погибли 4 человека. На следующий день ФОРА и общество сопротивления металлургов объявили бессрочную всеобщую стачку; ФОРА-IX призвала к 24-часовой забастовке, но одновременно продолжала переговоры с администрацией фабрики. 9 января Буэнос-Айрес покрылся баррикадами, в ходе похорон погибших рабочих, в которых приняли участие около 200 тысяч человек, неоднократно вспыхивали столкновения и перестрелки с полицией (в результате, только на самом кладбище погибло до 50 человек, сотни получили ранения). Разгневанные трудящиеся атаковали и подожгли административное здание «Васена», церковь и монастырь. Город был полностью парализован, движение прекратилось, газеты, за исключением революционных изданий «Ла Протеста» и «Ла Вангардиа», не выходили. Реакционные ультраправые группы нападали на помещения профсоюзов, хватали рабочих, начали еврейский погром. Трудящиеся разоружали полицию и вооружались. В различных частях города не прекращались перестрелки из пулеметов и ружей, рабочие отряды патрулировали улицы. Начались уличные бои. Стачка переросла в восстание. Реальным мотором движения была анархистская ФОРА.

Вечером 9 января шеф полиции Э.Гонсалес встретился с лидерами ФОРА-IX и пообещал удовлетворить требования рабочих «Васена» и приступить к постепенному освобождению заключенных в обмен на прекращение всеобщей стачки. Те были готовы заключить соглашение в тайне от своих членов. На следующий день была оккупирована 30-тысячными силами армии, полиции и морской пехоты. Полицейские и ультраправые группы атаковали редакцию «Ла Протеста», помещения рабочих союзов и клубов. Тысячи человек были арестованы, некоторые высланы на остров в Рио-де-ла-Плате, среди них – секретарь ФОРА. 11 января руководство ФОРА-IX подписало соглашение о прекращении стачки. Но большинство рабочих продолжало борьбу по призыву ФОРА; стачка перекинулась на Мар-эль-Плату, Сан-Фернандо, Сан-Педро, Авельянеду, Росарио, Санта-Фе, Байя-Бланку и Тукуман. 14 января полиция разрушила типографию «Ла Протеста»; закрыты и другие либертарные издания – «Ла Обра», «Эль Бурро» и «Бандера роха». Наконец, 20 января рабочие «Васена» вернулись на работу, добившись удовлетворения своих требований. Стачка и восстание января 1919 г., вошедшее в историю под названием «Трагической недели», были в конечном счете потоплены в крови. Погибли почти 1400 человек, 5 тысяч были ранены, 55 тысяч арестованы[10]. Репрессии затронули и провинции страны. Так, в период «кровавой недели» в Кордове были арестованы и подверглись пыткам и избиениям свыше 600 активистов различных рабочих и политических организаций[11].

Удар, испытанный рабочим движением, был жестоким. Помещения и бюро ФОРА были закрыты, типографии захвачены войсками, собрания и митинги запрещены, множество людей подверглись арестам и депортациям. «Ла Протеста» вынуждена была приостановить

издание. «Ла Бандера роха» пыталась продолжать свою деятельность, однако ее активисты были отданы под суд и сосланы в Ушуайю[12]. 4 мая анархистские издания были официально запрещены. Но рабочее движение быстро оправилось от полученного удара. Уже в июле при поддержке некоторых обществ сопротивления ФОРА стала выходить «Трибуна обрера», в октябре вновь появилась «Ла Протеста»[13].

Послевоенный революционный подъем способствовал росту популярности анархизма. Тираж «Ла Протеста» увеличился в два, а затем в три раза. Появились новые анархистские и синдикалистские издания. Работа анархистов не ограничивалась районом столицы, но ощущалось и в провинции. Так, в Кордове они в 1918–1919 гг. расширили свою деятельность и укрепили свое влияние в рабочих союзах[14].

Репрессии способствовали также росту духа примирения и сближения между сторонниками различных направлений в рабочем движении. В провинции Кордова профсоюзы различной идейной ориентации собрались в апреле 1919 г. по инициативе местного рабочего союза на провинциальный рабочий конгресс. На нем была создана провинциальная рабочая федерация, в руководство которой вошли анархисты, коммунисты, социалисты и беспартийные. Провинциальный профцентр постановил сохранять автономию перед лицом раскола движения в общенациональном масштабе, но поддерживал контакты как с ФОРА, так и с ФОРА-ИХ и объявлял о своей приверженности борьбе против буржуазии, в защиту интересов рабочего класса. Конгресс принял также резолюция с осуждением империалистической войны и приветствие российской революции. Провинциальное профобъединение возглавил ряд всеобщих и частичных забастовок с требованиями повысить зарплату, сократить рабочий день и улучшить условия труда. Ему удалось добиться сокращения рабочего сельскохозяйственных рабочих с 12 до 8 часов, повышения оплаты труда и признания профсоюзов хозяевами. К моменту проведения нового провинциального конгресса в июне 1920 г. в Кордовскую федерацию входило 80 профсоюзов[15].

В конце 1919 г. в ходе обновления состава Федерального совета ФОРА в него были избраны талантливые новички - Антонио Госальвес и Себастьян Феррер. Вскоре они заняли посты соответственно секретаря и вице-секретаря совета. Оба они питали симпатии к идее «диктатуре пролетариата», способствовали продвижению на посты в организации своих людей и выступали за сотрудничество с кругами, близкими к изданию «Ла Бандера роха». В качестве первого шага были организованы совместные выступления за возвращение сосланных в Ушуайю. В марте 1920 г. состоялась всеобщая стачка за освобождение политических заключенных. Ее подготовка сопровождалась ажиотажем, угрозами взрывов бомб в столице и многочисленными арестами. «Традиционалистские» анархисты в ФОРА и редакция «Ла Протеста» отнеслись к планам стачки с недоверием и опасались подчинения движения политическим целям. Однако, несмотря на то, что дискуссии еще не были завершены, новый Совет ФОРА провозгласил всеобщую забастовку. Плохо подготовленная, она закончилась полным провалом. Все бомбы были конфискованы полицией. Активисты, занимавшиеся подготовкой стачки, были арестованы. Через несколько месяцев обнаружилось, что за этими событиями стояла провокация полиции, агентом которой выступал Хуан Портас.

В конце сентября - начале октября 1920 г. в Буэнос-Айресе собрался чрезвычайный конгресс ФОРА, именовавшейся теперь «Коммунистическая ФОРА». В нем приняли участие представители 400 организаций, входивших в Федерацию, 56 автономных союзов и 192 организаций, разделявших принципы ФОРА. В ходе дискуссий некоторые высказывали симпатии к «диктатуре пролетариата», но эта позиция была отвергнута. После долгих дебатов абсолютное большинство участников подтвердило решение V конгресса ФОРА 1905 г., которое рекомендовало в качестве цели организации «анархистский коммунизм»[16]. Делегаты подтвердили федералистское внутреннее устройство организации. Она включала в себя местные и окружные федерации различных профессий, объединенные, в свою очередь, в провинциальные рабочие федерации. На местах существовали местные синдикаты или федерации по профессиям, соединенные в местные федерации всех профессий. В сельскохозяйственных районах образовывались окружные советы и сельскохозяйственные федерации, которые входили в провинциальные рабочие федерации. Таким образом, идея общенациональных отраслевых федераций была отвергнута. Исключение делалось только для портовиков: для них создавалась своя отдельная общенациональная («региональная») рабочая федерация, входящая в состав ФОРА. При этом секции портовиков на местах входили одновременно в местные, окружные и провинциальные рабочие федерации. Были введены единые членские взносы в ФОРА, распределявшиеся следующим образом: 20% - в пользу местной организации, 25% - окружной, 25% - провинциальной и 30% - национальной («региональной») организации. Центральным органом ФОРА объявлялась газета «Органисасьон обрера»: Федеральный совет должен был выпускать ее так часто, как это позволяли «обстоятельства и средства». В случае проведения значительных выступлений и кампаний издания различных союзов ФОРА должны были образовывать на местах временные комитеты связи, которые позволили бы координировать их усилия. Учреждались особые комитеты поддержки социальных заключенных: центральный в Буэнос-Айресе и подкомитеты в столицах провинций. Вводились взносы в фонд этих комитетов.

Конгресс постановил подавляющим большинством голосов, что в организации в принципе не должно быть освобожденных оплачиваемых функционеров. Вознаграждение отдельным лицам, которые «в определенные моменты окажутся необходимыми для секретарских услуг и прочих дел, связанных с организацией и пропагандой», было оставлено на усмотрение Федерального совета. В случае репрессий против членов Федерального совета, этот орган получал право временно пополнить свой состав путем кооптации.

Что касается тактических вопросов, конгресс высказался за то, чтобы кампании по бойкоту товаров и изделий предпринимателей, которые объявлялись в поддержку борющихся против них работников, организовывались более продуманно и сплоченно, с изучением всех обстоятельств в масштабах всей федерации. Это могло бы позволить избежать поражения в случае односторонних действий.

Работая в сельской местности, ФОРА сталкивалась со сложной социальной ситуацией: в деревне имелись не только помещики и батраки, но и крестьяне-арендаторы, некоторые из которых, в свою очередь, нанимали пеонов. Конгресс заявил о поддержке выступлений сельскохозяйственных батраков, но не считал возможным в настоящий момент объединять арендаторов. Делегаты решили развернуть среди последних особую пропаганду, разъясняя

ошибочность эгоистических и буржуазных «иллюзий».

В центре внимания конгресса оказался вопрос о единстве рабочего движения. Прежде всего, участники высказались в поддержку «восстановления Революционного синдикального Интернационала» как «продолжения Первого Интернационала» и поручили Федеральному совету ФОРА предпринять необходимые действия в этой связи. Пока такое международное объединение родственных рабочих федераций еще не создано, указывалось в решении конгресса, необходимо оказывать поддержку любым акциям бойкота, кампаниям поддержки заключенных и международным стачкам, либертарным по духу и идущим на пользу «революционной рабочей фракции». Получила поддержку также идея проведения съезда синдикалистских организаций Южной Америки. Делегаты предоставили Федеральному совету полномочия созвать такой форум в подходящее время и одобрили проведение сбора средств внутри ФОРА для оплаты мероприятия.

Чрезвычайный конгресс высказался за установление «сердечных отношений» со всеми профсоюзными организациями страны, носящими «действительно революционный характер». Это позволило бы обеспечить эффективную солидарность в ходе рабочей борьбы против капитала и государства. Делегаты подчеркнули при этом, что речь может идти только о поддержке «синдикальной практики», свободной от легалистских и политических моментов[17].

Некоторые профсоюзы и группы продолжали добиваться объединения Коммунистической ФОРА с синдикалистской ФОРА IX конгресса, которая откололась в 1915 г. и отвергала анархо-коммунизм. Делегаты постановили, что «любое предложение об объединении со стороны синдикатов, групп автономных синдикатов и других организаций, представляющих различные профессии» будет рассматриваться лишь в том случае, если оно основано на принципах, не противоречащих «методам борьбы и социальной цели Коммунистической ФОРА». Если подобный проект выдвигался какой-либо организацией, входившей в состав ФОРА, Федеральный совет был обязан назначить референдум среди союзов Федерации. В случае одобрения этих предложений, они послужили бы основой для объединительного конгресса. Однако делегаты подчеркнули, что пока никаких ясных проектов на сей счет нет, обсуждать нечего и данную «идею следует полностью отвергнуть»[18].

В то же время, конгресс подтвердил, что различные фракции рабочего движения, независимо от их идейных разногласий, в определенных обстоятельствах могут заключать соглашение о совместных действиях. ФОРА-IX было предложено договориться о «Пролетарском согласии» в борьбе за освобождение заключенных участников социальных и рабочих выступлений, за отмену репрессивных законов, включая закон о проживании, за свободу рабочей и революционной печати и против любого наступления на организации трудящихся «со стороны капитализма, государства и другого консервативного учреждения»[19].

Опираясь на это решение, активизировали свою деятельность сторонники объединения ФОРА и ФОРА-IX. Их планы поддерживали и «анархо-большевики» из группы «Ла Бандера роха», амнистированные правительством. Против решительно выступала выходившая подпольно «Ла Протеста» и легальное издание ФОРА (с 1919 г.) «Трибуна обрера» («Трибуна

пролетария»)[20].

В феврале 1921 г. представители ФОРА были приглашены на конгресс ФОРА-IX. Направленные в качестве наблюдателей секретарь ФОРА Антонио Гонсалвес и его заместитель С.Феррер самовольно предложили синдикалистам осуществить объединение обеих федераций. Конгресс ФОРА-IX принял это предложение, образовал комитет по объединению рабочих и пригласил ФОРА принять в нем участие. Анархистская рабочая организация оказалась в сложном положении. С одной стороны, ее секретарь действовал единолично, не имея никаких полномочий выступить с подобным предложением, и Федеральный совет в изданном им циркуляре осудил действия Гонсалвеса. С другой, с учетом решений чрезвычайного конгресса, нельзя было просто отвергнуть участие в создаваемом комитете. Поэтому совет призвал синдикаты и организации ФОРА высказать свое мнение о возникшей ситуации[21].

В 1921 г. ФОРА предложила также синдикалисткой ФОРА-IX совместно поддержать бастовавших рабочих Ла-Форесталь в Чако, в большинстве своем не принадлежащих ни к одной из федераций. В этой стачке в провинции Санта-Фе приняли участие около 20 тысяч трудящихся. Забастовщики подверглись нападению со стороны армии и полиции, что повлекло за собой человеческие жертвы. ФОРА призвала синдикалистов к совместной акции 5 апреля. Однако те ответили только 10 апреля, причем в весьма неопределенных тонах, что сорвало намеченное выступление. Забастовка во Флорестале была жестоко подавлена. Когда 1 мая 1921 г. в столкновении с фашистами из «Патриотической лиги» в Гуалегайоу (провинция Энтре-Риос) был убит активист ФОРА-IX и несколько сторонников организации ранены, анархистская ФОРА вновь предложила синдикалистам провести совместное выступление протеста 6 мая. Те ответили только 12 мая, пообещав «обсудить» вопрос.

Тем временем, 26 мая 1921 г. фашистские группы внезапно напали на помещения проводившего стачку союза кочегаров и машинистов порта в Буэнос-Айресе, убили одного рабочего и нескольких ранили. Трудящиеся требовали ответить на это всеобщей забастовкой. Соблюдая решение чрезвычайного конгресса 1920 г., Федеральный совет ФОРА вновь предложил синдикалистам совместное выступление. В ходе переговоров между представителями обеих федераций была достигнута договоренность о создании совместного комитета по организации выступления. Но ФОРА-IX настаивала на предварительном проведении референдума среди профсоюзов по вопросу о забастовке, добивались соглашения с полицией и всеми силами тормозила акцию. Она направила «ноту» президенту, но тот не ответил на нее. Тогда 30 мая ФОРА решила объявить на следующий день всеобщую стачку самостоятельно. Однако в ходе подготовки полиция произвела аресты 180 рабочих, принадлежащих к различным направлениям; среди них были делегаты от всех синдикатов. Все помещения ФОРА и редакции «Ла Протеста» были закрыты. Арестованы были и лидеры ФОРА-IX. Тем не менее, стачка была объявлена, и после двух дней руководство синдикалистов вынуждено было под давлением рядовых рабочих присоединиться к ней. Она продолжалась до 6 июня. Ход выступления и поведение синдикалистов принесли «так много горьких разочарований, что должны пройти годы, прежде чем ФОРА может решиться на то, чтобы еще раз обсуждать и согласовать проведение совместных акций с другими организациями», - констатировали аргентинские рабочие анархисты в отчете II конгрессу анархо-синдикалистского Интернационала[22].

Большинство членов ФОРА было глубоко разочаровано в идеях «единого фронта» пролетариата. Сторонники объединения попытались еще издавать газету «Эль Трабахо», но она прекратила выходить спустя всего несколько недель[23].

Одним из крупнейших выступлений ФОРА в этот период стала борьба Рабочей федерации Рио-Гальегос против иностранных овцеводческих фирм в Патагонии (зона Санта-Крус). Многие из рабочих были иммигрантами из Европы и Чили. Пеоны требовали предоставления нормальных жилищных условий и гигиены, выделения помещений под рабочие собрания, регулярной выплаты зарплаты в аргентинской валюте и т.д. Помещики братья Кларк, владевшие 20 тыс. га земли, согласились было удовлетворить требования рабочих, но союз землевладельцев («Сельское общество») отверг их. В январе 1921 г. работники вынуждены были начать забастовку, которая продолжалась 3 месяца. Власти направили в район кавалерийский эскадрон численностью в 260 человек под командованием подполковника Эктора Варелы. Побудив стороны достичь соглашения, офицер вернулся в столицу. Рабочие прекратили забастовку, но 3 тысячи бастовавших разбили лагерь, которые превратились в вооруженные коммуны со своими собственными законами; все решения принимались на народных ассамблеях. Противостояние возобновилось, когда помещики, в нарушение соглашений, отказались выплатить зарплату за март 1921 г. 23 октября полиция арестовала и выслала активистов рабочего союза. Через неделю забастовка возобновилась. Организованные группы пеонов ходили от поместья к поместью, призывали трудящихся объединиться, конфисковали продовольствие, перерезали телефонные линии (на станции Тэуэльче). В первых рядах движения шли аргентинцы, испанцы и чилийцы Рамон Оторельо, Антонио Сото, Аргуэльес, Арена, Эсубьере. Вильяфанье, Пинтос и Мануэль Лейва и бывший немецкий лейтенант, ставший анархистом. Участникам движения удалось занимать такие населенные пункты, как Пасо-Ибаньес с 1500 жителями, Канада-Леон и др. В ноябре власти вернули в район военные части. Правительственные силы численностью 10 полков включали кавалерию и военные суда, обстрелявшие один из городов, захваченных рабочими. Не обнаружив взбунтовавшихся пеонов в населенных пунктах, войска стали охотиться на них в открытом поле, как на диких зверей. В Пунта-Альта они окружили бунтарей и расстреляли их издалека. В Анита потребовали, чтобы те сложили оружие, после чего расстреляли 250 человек, отказавшихся выдать «зачинщиков». Других раздевали догола, привязывали на ночь колючей проволокой, а затем обливали горючим и сжигали живьем. Власти и помещики обвинили работников в «бандитизме», и им пришлось защищаться с помощью примитивного оружия. Под станцией Тэуэльче они во главе с каретником Хосе Фонтом вступили в бой с войсками. На одноименном предприятии владелец распорядился расстрелять 27 рабочих – по одному за каждую из потерянных им лошадей.

В конце концов трудящиеся вынуждены были сдаться. 7 декабря 1921 г. стачечная комиссия сообщила полковнику Вареле: «В нашей власти находятся 80 пленных, 3 тысячи лошадей, 450 единиц длинноствольного, 300 единиц короткоствольного оружия, 15 тысяч патронов для длинноствольного и 3 тысячи для короткоствольного оружия; все, что находится в нашем распоряжении, мы готовы передать армии в обмен на достаточную гарантию сохранения наших жизней». Но это не положило конец расправам. Всего в ходе стачки погибло 1500 рабочих, включая 600 чилийцев и 300 испанцев[24].

25 января 1923 г. анархист Курт Вилькенс бросил в полковника Варелу бомбу, а затем несколькими выстрелами добил его. Убийство организатора расправы в Патагонии, как сообщалось в анархистской прессе, вызвало ликование по всей стране. Его «приветствовал с воодушевлением весь пролетариат Южной Америки... Смерть Варелы не была воспринята как террористический акт; даже буржуазная пресса не осмелилась представить Вилькенса своим читателям, как террориста. Покушение, совершенное Вилькенсом против палача Варелы, можно рассматривать как искупление». Сам покушавшийся считал себя толстовцем и противником насилия, но полагал делом совести наказать убийцу. ФОРА открыто выразила свою симпатию Вилькенсу. По всей стране возникли комитеты защиты, которые приступили к сбору средств в помощь ему[25].

Репрессии и экономические трудности 1921 г., а также вызванный ими некоторый спад рабочего движения усилили размежевание в профсоюзном движении между сторонниками и противниками «единого фронта». Так, в провинции Кордова, где в начале года власти подавили ряд забастовок, арестовали около 300 активистов и закрыли многие профсоюзы, третий конгресс провинциальной рабочей федерации с участием 30 союзов высказался за объединение пролетариата в общенациональном масштабе, чтобы остановить наступление реакции. Было объявлено, что провинциальный рабочий союз окажет содействие созыву конгресса профсоюзного единства и присоединится к созданному на нем профцентре при условии, что он будет стоять на почве классовой борьбы[26]. Одновременно с попытками образовать «единый фронт» внутри страны, Гонсальвес и Феррер искали сближения с Советской Россией. Они - опять-таки самовольно - решили направить от имени ФОРА делегата на конгресс Профинтерна в Москве в июле 1921 г.[27] Представительство было возложено на австралийца Тома Баркера. Он не имел права принимать окончательное решение о вступлении в эту международную организацию, но должен был следовать цели ФОРА - «анархистскому коммунизму» и решениям конгресса Федерации 1920 г. Ему надлежало настаивать на автономии Профинтерна от Коминтерна, перевода его штаб-квартиры из Советской России и осуждении Амстердамского Интернационала. Профинтерн, указывалось в инструкциях, данных делегату Федеральным советом, должен быть «создан на коммунистических, либертарных и революционных принципах, быть действительно антиполитическим и антигосударственным»[28]. Баркер нарушил эти инструкции.

Кроме того, секретари распространяли преувеличенные данные о численности ФОРА, заявляя зарубежным рабочим организациям, будто в ней состоит 200-250 тысяч человек[29].

Самовольные действия секретарей вызвали негодование членов ФОРА. 20 августа 1921 г. была созвана конференция Федерации, которая резко осудила их. Она официально отвергла приглашение вступить в комитет по объединению и отмежевалась от решений об участии Коммунистической ФОРА в Профинтерне. Был избран новый состав Федерального совета.

По поручению конференции, Федеральный совет распространил соответствующее заявление. В нем говорилось, что в организацию «на ответственные места пришли элементы, которые под большевистским влиянием действовали вопреки четко изложенным принципам нашей организации». Совет обвинил бывших членов Секретариата ФОРА Хулио Р.Баркоса, Немесио Каналеса, Хесуса М.Суареса (Фернандо Гонсало), Алехандро Альбу (Сильветти), Энрике Гарсиа Томаса, Антонио Гонсальвеса и Себастьяна Феррера в

злоупотреблении своим положением с целью «поддержки устремлений, диаметрально противоположным принципам нашей организации». Указанные лица были исключены из ФОРА. В ходе опроса из 139 синдикатов лишь 26 высказались против циркуляра, в котором излагались решения конференции. 110 повторили, что любое единство возможно лишь при условии признания коммунистического анархизма[30].

Сторонники социал-демократов, коммунистов и изгнанные из ФОРА образовали новую объединенную профсоюзную организацию - Аргентинский Синдикальный союз (УСА); в его руководстве оказались многие из «анархо-большевиков»[31]. Приверженцы «анархо-большевистской» группы «Ла Анторча» («Факел»), сообщал провинциальный союз профсоюзов Кордовы в Профинтерн, откалывали «от ФОРА все профсоюзы», находившиеся под их влиянием[32].

Учредительный конгресс УСА состоялся 6-13 марта 1922 в Буэнос-Айресе. В союз вошли ФОРА-IX, большая часть независимых профсоюзов и некоторые союзы, входившие ранее в ФОРА, но заявившие о своем несогласии с ее курсом, враждебным «единству рабочих сил»[33]. В момент создания в УСА, по его собственным данным, насчитывалось до 90 тыс. членов, но его ряды быстро сокращались: к январю 1924 г. взносы платили лишь 35 тыс. членов и еще 10 тыс. не уплачивали их регулярно, в начале 1926 г. в УСА остались 16 тыс. членов, к лету того же года - 11 тыс.[34] Организация официально не присоединилась к Профинтерну, выступая за проведение международного конгресса по объединению рабочего движения. Однако в первый период ее существования в пользу членства в московском Интернационале высказывались не только коммунисты, но и многие анархисты, включая большинство групп «Либертарного альянса»[35].

В Кордове возникновение УСА было связано с расколом провинциального рабочего союза. Большинство союзов, находившихся под влиянием анархистов, откололось от провинциального объединения. Профсоюзы иной ориентации, а также меньшинство анархистов присоединились к УСА, и к 1927 г. образовывали единственное провинциальное профобъединение в его составе. В ноябре 1922 г. его четвертый конгресс высказал свои симпатии Профинтерну[36].

Внутри УСА существовали различные тенденции. Синдикалисты и анархисты-противники ФОРА имели большинство в руководстве УСА в целом, руководили профсоюзами портовиков, металлистов, рабочих гаражей и авторемонтных мастерских, маляров. Социалисты и реформисты (до выхода из УСА в 1926 г.) пользовались влиянием в объединениях железнодорожников, союзах муниципальных работников, деревообделочников, печатников. Коммунисты же стали самой крупной «сплоченной тенденцией» в УСА. Они удерживали большинство в крупных профсоюзах металлистов и портных, во множестве мелких союзов[37]. Отношения между ФОРА и УСА были натянутыми; дело доходило до физических столкновений. Так, в сентябре 1923 г. в Вилья-Ласа (провинция Буэнос-Айрес) в ходе рабочего собрания в одной из таких стычек погибли 2 человека[38].

Размежевание с «анархо-большевиками» означал, что ФОРА заняла непримиримую линию в отношении Москвы. Осенью 1922 г. она самым решительным образом отклонила приглашение руководства Профинтерна принять участие в работе его конгресса в Москве,

как «особенно кровавую иронию». «Наша федерация, – говорилось в ответном послании Федерального совета, – не имеет никаких контактов с этим Интернационалом и не выказывала в отношении его никакой симпатии». Подтвердив, что ФОРА дезавуирует действия Том Баркера в качестве своего делегата на конгрессе Профинтерна в 1921 г., совет выразил «революционную верность всем угнетенным, включая нынешних рабов в большевистской России», и твердую решимость разорвать «недостойную связь с предателями и заговорщиками», которые «обезглавили русскую революцию», заменив ее «отвратительной диктатурой пролетариата» и «беспримерным абсолютизмом нынешнего марксистского государства». Профинтерн воспринимался аргентинскими анархистами как «рабский инструмент коммунистической партии, которая властвует над несчастным российским народом и чья главная цель – восстановить инквизицию и убить все анархистское движение». Ответ ФОРА был выдержан в тоне резкой отповеди: «... Вы нас с кем-то спутали. Наша позиция абсолютно противоположна вашему Интернационалу и тем более тому преступному делу, которое творится институтами российского правительственного механизма и направлено против всех тех, кто не принимает причастия в соответствии с темной религией, чей основной источник – в священном культе, почитаемом большевистской сектой и направленном, в первую очередь, против анархистов». Аргентинские рабочие анархисты обвинили большевизм и Профинтерн в том, что те «расставляют ловушки трудящимся, вносят смуту в пролетариат, сеют хаос и ведут борьбу иным, еще более отвратительным оружием». ФОРА выражала протест против репрессий в отношении анархистов в России, в том числе русского анархо-синдикалиста А.Шапиро[39].

16 октября 1922 г. представители рабочих союзов ФОРА собрались на конференцию с тем, чтобы выработать мандат для делегатов, посылаемых на Учредительный конгресс революционно-синдикалистского Интернационала в Берлине. В принятом заявлении содержалась резкая критика в адрес большевистского Профинтерна. ФОРА утверждала, что в нем нет ни одной организации, которая могла бы войти в революционный рабочий Интернационал, более того, что им «там нечего делать». В его создании, по мнению аргентинских рабочих анархистов, могли участвовать только те организации, которые «окончательно порвали с Красным Интернационалом профсоюзов и заняли ясную революционную позицию». Создаваемое международное объединение должно было противостоять как Московскому, так и Амстердамскому профсоюзным Интернационалам и способствовать пониманию трудящимися мира их реакционной роли. В заявлении вновь подчеркивалось, что ФОРА – открытый противник любого «единого фронта ценой уступок». Делегатам поручалось не искать «основу, на которой все революционно-синдикалистские силы могли бы объединиться в одном организме», а предпринять шаги по созданию нового Интернационала, обращая основное внимание не на количество участников, а на «ясность революционных принципов»[40].

Аргентинская ФОРА: последний взлет

Вопрос о вступлении в МАТ обсуждался на IX конгрессе ФОРА в марте – апреле 1923 г. Было принято решение об условном присоединении к международному анархо-синдикалистскому объединению и о проведении референдума в организации на эту тему. Недовольство ФОРА

было вызвано, прежде всего, следующими обстоятельствами. Прежде всего, ее возражения вызывали «уступки Москве, главной из которых был проект Комитета синдикалистской защиты Франции в духе продолжения сделок с целью поиска «договоренности» с вождями Красного Интернационала профсоюзов». Аргентинские анархисты вновь подвергли критике идеологию синдикализма и «единства рабочего класса» на основе экономических интересов, помешавшую «конгрессу принять твердые резолюции, позволяющие обеспечить независимость МАТ». Наконец, ФОРА оспаривала «концепцию послереволюционного синдикализма, идейное содержание которой мы отвергаем, поскольку оно воплощает скрытые этатистские намерения и содержит в себе в действительности авторитарную посылку: «Вся власть - профсоюзам»»[41]. Конгресс поручил Федеральному совету созвать по результатам референдума конференцию делегатов ФОРА для окончательного решения вопроса, а до тех пор поддерживать с новым Интернационалом «сердечные отношения».

Конгресс подтвердил приверженность «коммунистическому анархизму» и абсолютное неприятие «диктатуры пролетариата» или любой иной диктатуры в «революционный период» в качестве «временной или постоянной меры». Из наименования ФОРА было исключено определение «коммунистическая». Участие любых политических элементов в федерации по-прежнему не допускалось, напротив, члены анархистских групп имели право занимать в ней ответственные посты. Конгресс отклонил идею создания отраслевых федераций и высказался против общенациональных федераций по профессиям. Последнее решение отменяло резолюцию чрезвычайного конгресса 1920 г. о Региональной рабочей федерации портовиков. Что касалось проектов создания федерации железнодорожников, то его было решено обсудить дополнительно. Конгресс подтвердил поручение Федеральному совету подготовить проведение южноамериканского конгресса синдикалистов, провозгласил бойкот продукции пивоваренной компании «Бикерт» и отказался от создания профсоюзов сельскохозяйственных арендаторов, считая нужным ограничиться ведением идеологической пропаганды в их среде. (Последнее объяснялось, как и прежде, тягой этой категории работников к заключению коллективных соглашений с хозяевами)[42].

Рудольф Роккер попытался убедить аргентинцев отказаться от своих возражений в отношении МАТ. В статье, опубликованной в «Ла Протеста», он утверждал, что «анархизм и синдикализм дополняют друг друга как дух и тело. Без анархистской идеологии синдикализм - это всего лишь обычное профсоюзное движение для достижения временных улучшений в рамках существующего общества; а без экономической организации труда анархизм превратился бы в секту, которая защищает весьма красивые идеи, но не располагает средствами, чтобы осуществить их». Он настаивал на том, что Интернационал должен объединить различные синдикалистские течения: «В МАТ есть место для товарищей из ФОРА, которые по своим принципам являются чистыми анархистами, для тех, кого называют анархо-синдикалистами, и также для «чистых синдикалистов», защищающих ту точку зрения, что синдикализм самодостаточен»[43].

Отношения ФОРА с другими течениями либертарного движения оставались напряженными. Организация подвергла резкой критике «Аргентинский либертарный альянс», образованный в 1922 г. группой из 30-40 анархистских интеллектуалов. ФОРА обвиняла альянс в том, что тот далек от рабочего движения, сотрудничает в США и напуган полицейскими провокаторами (в 1923 г. были разоблачены в качестве агентов и исключены из рядов

альянса его секретарь по интернациональным связям Хулио Амор и редактор газеты Давид Вальдес)[44]. Постоянная полемика шла между ФОРА и «Ла Протеста», с одной стороны, и группой во главе с Т.Антильей и Г.Пачеко, которая в 1916 г. покинула редакцию «Ла Протеста». Это последнее течение, питавшее определенные симпатии к анархо-индивидуализму, издавало собственную газету «Ла Анторча», которая широко предоставляла свои страницы оппонентам ФОРА - вплоть до «анархо-большевиков». ФОРА была возмущена также высказываниями «анторчистов» в связи с голодом в России. Сотрудники анархо-индивидуалистической газеты «Ла Пампа либре» напали на группу членов ФОРА и убили одного из них. Возмущенные рабочие штурмовали помещение редакции, в ходе столкновения 7 человек были убиты[45]. Состоявшаяся в августе - сентябре 1924 г. в Буэнос-Айресе «региональная конференция» ФОРА исключила группу сторонников индивидуалистов из групп «Ла Анторча», «Пампа либре» и «Идеас», обвинив их в «подрывной» деятельности и препятствии пропаганде анархо-коммунизма. Вместе с ними ушли и несколько синдикатов. Федерация призвала к бойкоту «Ла Анторча» и близких к ней изданий[46].

В 1923 г. ФОРА, несмотря на некоторое ослабление профсоюзного движения в стране, сохраняла влияние, прежде всего в столице, где ее опорой были союзы плотников, мойщиков автомашин, булочников, обувщиков, маляров, рабочих по гипсу, свинцу и сарайщиков[47]. Правда, сторонники Профинтерна сообщали в Москву, что ряды ФОРА редеют, и в ней остались всего 5 тыс. членов, из которых лишь 1,5 тыс. регулярно платят взносы[48]. Но эти цифры следует считать явно преуменьшенными.

Забастовочные выступления рабочих были для ФОРА не только способом сопротивления капиталу и государству и средством улучшения непосредственного положения трудящихся. Стачки воспринимались также как своего рода «революционная гимнастика», школа солидарности и путь формирования анархо-коммунистических ценностей.

Местные и частичные стачки были в Аргентине, как отмечалось в отчете Федерации II конгрессу МАТ, «перманентным состоянием». Так, например, в одном только апреле 1923 г. прошли забастовки работников предприятий по очистке в бронзировке и автомобильном деле, резиновой промышленности, официантов, нефтяников, картонажников, металлистов, вагоностроителей, текстильщиков, обувщиков (все - в Буэнос-Айресе), строителей (в Тигре-Виктория и Сан-Фернандо), пекарей (в Сан-Фернандо), жестянщиков (в Авельянеде), строителей в Ресистенсия, Чаке, Вилья-Марии, Кордове, Ла-Плате, Бужнос-Айресе и пекарей в Брегадо и Хандиле, столяров и полировщиков в Кордове, кожевников и изготовителей портфелей в Росарио, мозаичников, шоферов, работников ликерной промышленности и пивоварни «Бикерт», столяров и краснодеревщиков, работников прачечных, железнодорожников и т.д. Некоторые из них затронули по несколько предприятий. Средняя продолжительность выступлений составляла от нескольких дней и недель до нескольких месяцев (забастовка металлистов). В этот перечень не были включены совсем короткие или одиночные забастовки. Подавляющее число таких стачек заканчивалось успешно, лишь немногие были проиграны[49]. В отличие от европейских профсоюзов, которые придавали первостепенное значение финансовой поддержке бастующих, ФОРА ориентировалась на практическую солидарность. «Системы органически регулируемой материальной поддержки стачек в ФОРА не существует, - указывалось в отчете Федерации II конгрессу

МАТ. - Мы усматриваем чрезвычайно большое значение солидарности в том, чтобы прикрыть тылы борющихся товарищей, стараясь всеми средствами изолировать в глазах всех рабочих штрейкбрехеров и желающих стать таковыми..., как зачумленных. Таким образом, ведущие борьбу делают это сами. Однако, разумеется, они и члены их семей добровольно защищаются от материальной нужды товарищами, там и тогда, где и когда длительность борьбы делает это необходимым»[50].

ФОРА широко использовала также метод стачки солидарности и всеобщей стачки протеста. Так, 7-9 июня 1923 г. проводилась всеобщая забастовка против высылки из Уругвая анархиста Сильвейры; синдикалисты из УСА саботировали выступление[51]. Почти сразу же за этим последовала новая стачка. 16 июня 1923 г. в тюрьме был убит анархист Курт Вилькенс, который в январе застрелил генерала Варелу, командовавшего расправой над рабочими Патагонии в 1921 г. Расправа над народным мстителем вызвала всеобщее негодование; рабочие стихийно покидали предприятия и собирались у мест, где они рассчитывали получить информацию. Газета «Ла Протеста» вышла экстренным выпуском. Первыми забастовали пекари Буэнос-Айреса, входившие в ФОРА, к вечеру того же дня стачка переросла во всеобщую, столица была парализована. Находивший под контролем реформистов и коммунистов профсоюз водителей трамваев отказался присоединиться к выступлению, но взбешенные рабочие стали поджигать трамваи, и те вынуждены были прекратить работу. 17 июня забастовка распространилась на всю страну, повсюду происходили кровавые столкновения с полицией, которая пыталась захватить помещения рабочих организаций. В Буэнос-Айресе в ходе уличных боев были убиты несколько полицейских и один офицер. Произведены массовые аресты: число арестованных только среди пекарей столицы превысило 200 человек, в Санта-Фе арестованы 20 человек и т.д. Продавцы газет отказывались распространять буржуазную прессу: продавали только анархистскую газету «Ла Протеста» и одно независимое издание. Коммунисты и реформисты выступили против ФОРА и приняли решение о прекращении забастовки с 18 июня, но рядовые рабочие на сей раз не последовали за своими «вождями». Стачка продолжалась. Вооруженная полиция напала на митинг, организованный ФОРА, и на помещение рабочей организации; в ходе столкновений имелись жертвы среди трудящихся и среди полицейских. Провокации властей только усилили движение протеста. Даже арестованные объявили голодную забастовку. Только 21 июня ФОРА призвала рабочих вернуться на работу во избежание дальнейших жертв. В провинции стачка за освобождение арестованных продолжалась еще несколько дней[52].

В ходе стачек и столкновений 1923 г. было арестовано всего 3100 человек. Большинство из них были освобождены, но некоторые получили жестокие приговоры. Так, в Буэнос-Айресе 13 человек были осуждены на сроки от 2,5 до 18 лет. В 1924 г. в тюрьмах вновь находились 3 тысячи человек[53]. ФОРА приходилось тратить крупные средства на помощь заключенным: если прежде на это уходило примерно 60-70 тысяч песо в год, то в 1918-1924 гг. более 100 тысяч ежегодно. Только в 1923 г. комитет помощи заключенным в столице помогал 3100 арестованным[54].

В 1924 г. волна забастовок не ослабевала. Всего в этом году в стране было 77 стачек с участием 277071 человека[55]. Многие из них были проведены союзами ФОРА. Только в апреле этого года бастовали металлисты, нефтяники, обувщики, столяры и

краснодеревщики, вагоностроители, рабочие макаронной фабрики, предприятия по производству масла, кондитеры, текстильщики (в Буэнос-Айресе) шоферы (в Буэнос-Айресе и Авельянеде), рабочие железнодорожных мастерских в Сальте и Чили и в Тафи-Вьехо, кирпичники (в Ла-Плате, в течении 27 дней), рабочие Ломас-де-Саморра и Сиррас-Бахаса, пекари (в Хунине и в Мерседесе), работники прачечных (в Росарио), шахтеры (в Фаматине), и т.д. Наряду с частичными, организовывались и всеобщие забастовки лиц той или иной профессии: прошли выступления протеста против полицейского произвола в Жужуе, всеобщие стачки кирпичников, маляров и металлистов в столице, мозаичников в Буэнос-Айресе и Ломасе, машинистов в Сан-Фернандо[56].

Стачка, организованная ФОРА в Байя-Бланка, сопровождалась кровопролитными уличными боями. Организации в этом и соседнем районах подверглись полицейским преследованиям. В помощь арестованных рабочих собирались крупные средства. В фонд поддержки заключенных в Буэнос-Айресе только в течении года было внесено 40 тысяч песо. Некоторые профсоюзы, к примеру, многотысячный союз пекарей столицы, имели собственные фонды поддержки[57]. ФОРА ожесточенно сопротивлялась вмешательству государства в социальную сферу и трудовые конфликты. В 1924 г. она развернула активную забастовочную борьбу против принятия закона о страховании по старости и вообще против социального законодательства, которое анархисты расценивали как «реформистские уловки и обман рабочих», противопоставляя фискализации конфликтов прямое действие. Так, секретариат ФОРА и столичная федерация предпринимали меры для организации поддержки стачки текстильных рабочих, агитируя рабочий класс страны примкнуть к их борьбе. В заявлении по этому поводу разъяснялась тактика организации: «ФОРА доводит борьбу до ее заключительных последствий в соответствии с требованиями ситуации и призывает к применению собственных, испытанных средств борьбы за завоевания пролетариата»[58].

Федерация вела печатную и устную агитацию против закона о социальном страховании. В феврале 1924 г. она организовала стачку протеста в столице, в которой приняли участие 20 тысяч рабочих[59]. В апреле в Буэнос-Айресе была проведена всеобщая стачка 15 тысяч текстильщиков, также направленная против законопроекта[60]. Когда возникла угроза распространения движения на всю страну, власти отложили принятие закона, а затем неожиданно ввели его в действие 1 мая. В ответ на следующий день по призыву ФОРА вспыхнула всеобщая стачка, к которой не присоединились только входящие в реформистский Аргентинский синдикальный союз (УСА) профсоюзы печатников и муниципальных работников столицы. Наибольший размах выступление приобрело там, где были сильны позиции ФОРА: среди шоферов, сапожников, пекарей, столяров, электриков, металлистов столицы, а также в провинциях Буэнос-Айрес, Санта-Фе, Тукуман, Мендоса. Полиция ответила арестами ведущих активистов анархистской рабочей организации. Из членов УСА в забастовке приняло участие всего 20 тысяч человек, но реформистские синдикалисты сумели привлечь к себе внимание многотысячными митингами, а затем договорились с правительством об изменении формы закона. Возмущившись такими действиями за спиной рабочих, некоторые входящие в УСА профсоюзы покинули это профобъединение, но дело было уже сделано. В отличие от февральского движения, ФОРА на сей раз не удалось увлечь большинство трудящихся. Оставшись в одиночестве, она прекратила забастовку 9 мая[61].

ФОРА не только выступала против государственного вмешательства в трудовые отношения, но и отказывалась от применения практики коллективных договоров, заключаемых на определенный срок и, таким образом, связывающих руки работникам. Аргентинские рабочие-анархисты считали, что трудящиеся должны добиваться улучшений для себя в любой момент, когда это позволяет соотношение сил[62].

Тактика федерации способствовала росту ее популярности. В 1924 г. рост рядов ФОРА продолжался. В нее вступили, в частности, многотысячный союз шоферов Буэнос-Айреса, провинциальная федерация профсоюзов Сальты и др.[63] Только с начала сентября по ноябрь 1924 г. к федерации присоединилось не менее 10 новых рабочих обществ[64]. К началу 1925 г. в Аргентинской региональной рабочей федерации состояли 60 тысяч членов, однако практика систематических членских взносов отсутствовала, и взносы платили лишь 20 тысяч человек. Тем не менее, влияние организации выходило далеко за эти пределы. Формальные цифры мало что значили в Аргентине. ФОРА издавала ежедневную газету «Ла Протеста» и около 20 изданий для отдельных профессий, включая газеты пекарей «Эль Обреро панадеро» (основана в 1896 г.), столяров «Эль Карпинтеро» (основана в 1901 г.), металлистов, кочегаров и машинистов, работников автогаражей, поваров, официантов, сапожников, кирпичников, строителей и т.д. ФОРА собирала значительные средства с целью оказания помощи анархистам и анархо-синдикалистам в стране и за рубежом. Она издала за свой счет 126-страничную брошюру в поддержку МАТ, которая обошлась ей в 2 тысячи песо[65]. В 1925 г. рабочее движение снова получило возможность проводить легальные демонстрации. 1 мая ФОРА провела манифестацию в столицу с участием не менее 5 тысяч человек[66]. Федерация вела кампанию за 6-часовой рабочий день. Одним из направлений работы ФОРА был антимилитаризм. 2 августа 1925 г. по всей стране были проведены антивоенные демонстрации. Наиболее активное участие приняли местные организации ФОРА в Авельянеде и Тукумане, где состоялся крупный митинг[67]. В 1928 г. крупный митинг в связи с годовщиной начала Первой мировой войны был проведен столичной организацией ФОРА; был выпущен антивоенный манифест[68].

Ставя перед собой цель способствовать развитию среди рабочих духа солидарности, ФОРА постоянно вела борьбу в поддержку «заключенных участников классовой борьбы». Символической фигурой в этом отношении оставался Симон Радовицкий, молодой анархист, убивший в ноябре 1909 г. шефа полиции Фалькона – организатора расстрела первомайской демонстрации. Радовицкий был приговорен к пожизненному заключению, и ФОРА вела постоянную кампанию за его освобождение. В 1927 г. она призвала все организации МАТ проводить митинги солидарности[69]. В самой Аргентине ФОРА и газета «Ла Протеста» организовали с осени 1927 г. сотни митингов по всей стране, распространили плакаты и 40 тысяч брошюр[70]. С середины декабря 1927 г. столичная полиция запретила рабочим организациям и анархистским группам всякую устную и печатную агитацию за освобождение Радовицкого, включая распространение плакатов и листовок. Делегаты от рабочих организаций ФОРА столицы приняли в феврале 1928 г. решение о проведении всеобщей стачки протеста. 17 марта делегаты и центральные органы Федерации назначили выступление на 23 марта. 24-часовая забастовка, в которой участвовали ФОРА и независимые профсоюзы, парализовала жизнь и движение транспорта в столице; бастовали также 20 тысяч портовых рабочих[71]. Крупное выступление было организовано в 1928 г. союзом шоферов ФОРА. Он объявил всеобщую забастовку в поддержку стачки водителей

автомобилей столицы. Рабочие добились успеха[72]. На борьбу трудящихся-анархистов власти отвечали новыми репрессиями. Так, 25 июня 1928 г. полиция напала на бюро ФОРА в столице, арестовала нескольких рабочих и секретаря местной федерации, однако через некоторое время вынуждена была отпустить их[73].

Активные выступления способствовали дальнейшему росту влияния и рядов анархистской рабочей организации. К лету 1928 г. в ФОРА входили 200 рабочих союзов, включая 2 федерации сельскохозяйственных рабочих, 12 местных и 4 провинциальные федерации. Она тесно сотрудничала с рядом независимых профсоюзов, которые разделяли ее цели и методы борьбы, и пригласила их на свой очередной конгресс[74].

X конгресс ФОРА состоялся с 11 по 16 августа 1928 г. На нем были непосредственно представлены 103 рабочие организации; многие делегаты не смогли приехать из-за нехватки средств. 113 делегатов представляли 75 рабочих союзов, 8 местных федераций и 3 провинциальные федерации. Наиболее сильны позиции ФОРА были среди пекарей (в нее входили почти все рабочие пекарен страны) и докеров (в ней состояли, к примеру, 8 тысяч докеров Росарио). Участники приветствовали всех заключенных и преследуемых за социальную борьбу во всем мире и приняли решение продолжать энергичную устную, печатную, листовочную и забастовочную кампанию за освобождение Радовицкого, включая обращение к Секретариату МАТ с призывом провести международный митинг или стачку.

Делегаты обсудили тактические вопросы, в том числе проблему использования бойкота в качестве средства борьбы. Было отмечено, что 30-летняя практика использования этой формы борьбы в рабочем движении не дала существенных результатов. Поэтому было рекомендовано проводить бойкот только во время стачек в отношении фирм, где происходит забастовка. За такое решение было подано 45 голосов, 38 делегаций голосовали против, 6 воздержались, а 10 отсутствовали при голосовании.

Организационные решения включали прием в крестьянские синдикаты мелких арендаторов, не использующих наемный труд, и оформление участия железнодорожников в ФОРА. Делегаты постановили не создавать общенациональную федерацию, учредить «Комитет связи» местных организаций, которые должны были входить в местные федерации ФОРА. Резолюция в отношении иммиграции и безработицы осудила правительственную политику законодательного ограничения иммиграции в страну. Долгом всех членов ФОРА была провозглашена помощь приехавшим в Аргентину рабочим. Резолюция подтверждала лозунг 6-часового рабочего дня и подчеркивала необходимость ведения пропаганды на различных языках. Было решено также увеличить размер взносов в М.А.Т., фонд солидарности М.А.Т. и на панамериканскую работу[75].

Официальным органом ФОРА делегаты утвердили анархистскую газету «Ла Протеста», призвав также как можно скорее приступить к изданию «Органисасьон обрера».

Отдельная резолюция конгресса была посвящена борьбе с усилением «международной реакции». Осудив «предательство рабочих политических партий и реформистских организаций пролетариата в отношении дела освобождения труда», ФОРА рекомендовала более упорно вести «пропаганду фундаментальных идей интегральной анархии», борьбу с

национализмом, милитаризмом, диктатурой и войной и искать средства сопротивления «экономической диктатуре» капитала. Она призывала также интенсифицировать противостояние попыткам проникновения церкви в школу и общественную жизнь, укреплять «дух истины в науке и дух бунтарства в искусстве», развивать международную солидарность с жертвами реакции и разоблачать «лицемерие демократии»[76].

1929 год ознаменовался новым подъемом анархистского рабочего движения в Аргентине. Страну охватила непрерывная волна стачек. Докеры провели 24-часовую забастовку, протестуя против действий фашистов из «Патриотической лиги». В первые месяцы года бастовали пекари Буэнос-Айреса, кирпичники в Ломас-де-Самора. Забастовки охватили Авельянеду. 20 мая ФОРА организовала в Буэнос-Айресе всеобщую стачку за освобождение Радовицкого; новые выступления солидарности прошли 25 августа.

Несмотря на то, что союз строительных рабочих ФОРА в Буэнос-Айресе объединял лишь меньшинство трудящихся, занятых в этой отрасли, престиж анархистской рабочей организации был настолько силен, что объявленная ею в мае стачка получила массовую поддержку в столице и в провинции Буэнос-Айрес и встретила симпатии со стороны населения. Забастовка продолжалась несколько месяцев и закончилась частичной победой рабочих, требовавших повышения зарплаты. Она сопровождалась арестами, и столкновениями с полицией, повлекшими за собой человеческие жертвы. Так, 14 мая был убит член ФОРА Капутто[77]. Многие рабочие остались, однако, недовольны исходом стачки. Этим воспользовались коммунисты, которые обвинили ФОРА в плохой организации выступления. Позднее им удалось расколоть профсоюз и создать собственный[78].

В июле 1929 г. центром забастовочного движения стал город Росарио - «аргентинский Чикаго». Стачку начали работники пекарни «Минетти и Ко» в Руфино, требуя введения 8-часового рабочего дня, повышения зарплаты и улучшения условий труда. Предприниматели прибегли к использованию штрейкбрехеров. В поддержку рабочих объявили забастовку солидарности другие работники фирмы. Работники порта Росарио отказались грузить продукцию фирмы; союз докеров ФОРА потребовал удалиться из порта штрейкбрехеров и, столкнувшись с отказом торговцев, также начал забастовку, парализовав экономическую жизнь города. К стачке солидарности примкнули портовики Санта-Фе, Вилья-Конститусьон, Габота, Сан-Лоренсо, Сан-Мартина. Власти пришли на помощь предпринимателям: они ввели чрезвычайное положение, объявили докеров Росарио «государственными служащими» и направили в город войска. После провала переговоров ФОРА провозгласила в Росарио всеобщую бессрочную стачку, к которой присоединились реформистские синдикалисты из УСА, ряд независимых профсоюзов и анархистский союз водителей трамваев, который в это время участвовал в собственном трудовом конфликте и теперь соединил свои требования с требованиями других бастующих. Всего в стачке приняли участие до 100 тысяч человек. Полиция произвела массовые аресты; тюрьмы города были переполнены. После недели борьбы Федеральный совет ФОРА и локальная федерация Буэнос-Айреса пригрозили объявить с 1 августа общенациональную всеобщую стачку, если требования докеров Росарио не будут удовлетворены; правительство планировало объявить чрезвычайное положение. В самый последний момент Торговая палата Росарио приняла условия докеров, затем были удовлетворены и требования пекарей. Стачка водителей трамваев продолжалась еще некоторое время. В комментарии пресс-бюллетеня М.А.Т. стачка в

Росарио была названа «уроком для Европы»[79].

Долгие месяцы продолжалась забастовка работников автомобилестроительного предприятий «Дженерал моторс» в Буэнос-Айресе. Она была организована союзом рабочих-металлистов ФОРА. Члены ФОРА на заводах явочным порядком ввели 8-часовой рабочий день; в ответ на их увольнение трудовой коллектив начал стачку солидарности, требуя сокращения рабочего времени, восстановления уволенных на работе, признания прав профсоюзов. После двухнедельной борьбы администрация приняла эти требования, но затем нарушила обещания, уволив нескольких участников забастовки. Стачком потребовал выполнения решений, в ответ все его члены были также уволены. Стачка возобновилась. В течение последующих месяцев администрация дважды соглашалась на переговоры, но категорически отказалась уволить взятых на работу штрейкбрехеров.

Борьба приобретала все более острые формы. ФОРА и независимые профсоюзы столицы оказывали бастующим моральную поддержку. Анархистская газета «Ла Протеста» регулярно сообщала о ходе борьбы и призывала трудящихся к солидарности. Было распространено около 1 миллиона плакатов и листовок. Профсоюз шоферов ФОРА объявил бойкот всех машин «Дженерал моторс». За время забастовки фирма понесла убытки на сумму в 50 миллионов песо. Каждый день происходили столкновения рабочих со штрейкбрехерами, иногда кровопролитные. В ходе стачки полиция арестовала не менее 456 рабочих, получивших приговоры общей продолжительностью в 5000 дней тюрьмы.

После 10 месяцев борьбы, в декабре 1929 г. фирма вынуждена была полностью принять все требования участников стачки. Она уволила штрейкбрехеров (автомобилестроителей и шоферов), восстановила на работе уволенных рабочих и водителей, согласилась на сокращение рабочего времени и повышения зарплаты и на равную оплату мужского и женского труда. Компания также уплатила союзам металлистов и шоферов компенсацию в размере 5 тысяч долларов[80].

Секретариат анархо-синдикалистского Интернационала в своем докладе за 1929 г. охарактеризовал ФОРА как «наиболее успешную секцию МАТ»[81]. Стачки способствовали дальнейшему укреплению ФОРА и значительному росту ее рядов. Наряду с забастовочной борьбой, аргентинские рабочие анархисты продолжали активную пропаганду либертарных идей через ежедневную газету «Ла Протеста», многочисленные органы отдельных рабочих союзов и провинциальную прессу. Издавалось также множество теоретических книг и специальные двухнедельные приложения к «Ла Протеста». Победа рабочих «Дженерал моторс» вызвала отклики и на других заводах, где трудились металлисты Буэнос-Айреса. Рабочие фабрики «Оксигена» выдвинули те же требования, что и их победившие товарищи, и фирма приняла их[82].

Серьезным ударом по Федерации стало убийство 25 ноября 1929 г. в Буэнос-Айресе Эмилио Лопеса Аранго – ее главного теоретика, редактора «Ла Протеста» и одного из создателей Американской континентальной ассоциации трудящихся, организованной по инициативе ФОРА. Его похороны вылились в огромную демонстрацию[83]. И все же начало 1930 г. аргентинское анархистское рабочее движение встретило, полное надежд. Ничто не предвещало катастрофы. Рабочие союзы ФОРА одерживали блестящие успехи в

экономической борьбе против предпринимателей. Зарботки трудящихся существенно повысились, рабочий день был сокращен, хозяева вынуждены были признать рабочие организации. Рабочие-металлисты вели решительную борьбу с администрацией компании «Форда». В длительные и упорные трудовые конфликты были вовлечены рабочие союзы строителей, пекарей, шоферов, докеров[84].

Особенно острый характер приобрела борьба пекарей столицы. В ходе конфликта и сопровождавших его столкновений были убиты 7 предпринимателей и 8 рабочих, ранены 7 предпринимателей, 8 рабочих и 1 частное лицо (не считая еще 24 человек, получивших тяжелые телесные повреждения и 10 легко раненых). На вызов полиции и использование штрейкбрехеров рабочие отвечали актами саботажа: были произведены 21 взрыв, 14 поджогов в пекарнях, 375 повреждений весов для муки. Было арестовано и отдано под суд около 400 рабочих[85].

Ряд рабочих союзов (печатников, металлистов и др.) развернул практическую подготовку к введению явочным порядком 6-часового рабочего дня[86]. Очередным успехом ФОРА стало освобождение после более чем 20-летнего заключения Радовицкого в апреле 1930 г.[87] Аргентинские рабочие анархисты проводили также акции солидарности с трудящимися других стран. Они организовали в Буэнос-Айресе митинги протеста против смертного приговора, вынесенного 9 боливийским рабочим правительством президента Силеса[88]. По инициативе «Ла Протеста» была создана Аргентинская антимилитаристская ассоциация.

В 1930 г. членские взносы в ФОРА уплачивали 40 тысяч человек. Однако в действительности в ее работе участвовало в три раза больше трудящихся[89]. Во второй половине года в стране стало ощущаться воздействие мирового экономического кризиса. Федерация призвала ответить на него введением 6-часового рабочего дня. В условиях кризиса правящие слои не могли больше терпеть подъем рабочего движения. 6 сентября 1930 г. армия совершила военный переворот и установила в стране военную диктатуру во главе с генералом Урибуру[90]. Официально путч был направлен против правительства радикала Иригойена, защищать которого у ФОРА не было никаких оснований.

Переворот застал аргентинских анархистов врасплох. «Движение ФОРА и анархисты в целом, – признавалось в заявлении Секретариата Американской континентальной ассоциации трудящихся (АКАТ), объединявшей анархо-синдикалистов Латинской Америки, – не отреагировало на сложившуюся ситуацию однородно. Эта однородность в оценке возникла позднее, когда удары диктатуры начали разрушать наше движение. Отсюда проистекало отсутствие непосредственного действия перед диктатурой с целью предотвратить ее, или когда она еще не успела консолидироваться. В целом анархистское движение реагировало на конфликт, приведший к нынешней ситуации, с абсолютной отстраненностью». Причем, у одних это была отстраненность пассивная (полное отсутствие какой-либо реакции), у других – «активная». Последнюю Секретариат АКАТ характеризовал как «желание действовать собственными силами, поиск поддержки со стороны трудящихся масс» для предотвращения диктатуры. Соответствующие декларации делали ФОРА и издатели «Ла Протеста». Как бы то ни было, организовать единую эффективную коллективную акцию не удалось[91].

Новые власти нанесли тяжелейшие удары по рабочему движению. Было немедленно введено военное положение и смертная казнь за воровство. Либертарное движение не сумело оказать эффективное сопротивление и было рассеяно.

Все либертарные газеты были запрещены; особо жестокие меры были приняты против «Ла Протеста». Уже 11 сентября номер газеты был конфискован, помещения заняты войсками, а издание закрыто. В конце сентября выпуск газеты удалось возобновить, но он продолжался только 3 дня. Члены редакции были арестованы, однако сторонники продолжали распространение. 10 октября газета была закрыта снова. После этого ее стали издавать как нелегальный еженедельник. «С отсутствием ежедневной газеты, – отмечал Секретариат АКАТ, – был нанесен удар по внутреннему единству нашего рабочего и анархистского движения. Отсутствовала необходимая связь... Наше движение до известной степени стало распыленным и бессвязным»[92]. Позднее издание «Ла Протеста» перенесли в соседний Уругвай. Помимо «Ла Протеста», власти закрыли и другие анархистские издания, включая «Ла Анторча».

Убийства активистов ФОРА начались сразу же после переворота. Через 2 дня после путча в Росарио был арестован и «исчез» известный анархист Хоакин Пенише: в действительности он был убит. В те же дни печать сообщала о расстреле в Росарио трех анархистов.

5 и 6 октября 1930 г. начались массовые аресты рабочих активистов ФОРА, которые затем продолжались ежедневно. Сотни членов организации были арестованы, помещения рабочих союзов закрыты. Среди задержанных оказались члены Федерального совета и Совета Федерации Буэнос-Айреса, органов отдельных союзов. Систематические обыски и облавы не прекращались месяцами. 90 задержанных поместили на военный корабль «Патагония». Арестованы были секретарь АКАТ Мануэль Вильяр и казначей Беренгер. Другой секретарь АКАТ Д.Абад де Сантьян смог укрыться в Уругвае[93].

Воспользовавшись установлением диктатуры и разгромом рабочих организаций, предприниматели уволили 2 тысячи металлистов. Нелегальный временный совет столичной организации ФОРА, созданный вместо арестованного Совета, объявил 7 октября о проведении 24-часовой всеобщей стачки протеста, ставшей первым выступлением против военного режима. Несмотря на огромные организационные и информационные трудности, к выступлению присоединились шоферы, кучера, все работники транспорта (кроме водителей трамваев), докеры и небольшое число строителей. Профсоюз докеров УСА заявил о выходе из реформистского профобъединения и заключил соглашение с ФОРА[94].

Сразу после стачки военный режим приступил к массовой ссылке рабочих активистов. 40 человек были изгнаны из страны. Лино Барбетти и Тулио Кардамоне были депортированы в фашистскую Италию. Среди высланных были члены Федерального совета ФОРА, Совета АКАТ, редакции «Ла Протеста», такие видные активисты, как Херонимо Родригес, Авелино Лопес, Флорентино Карвальо, Рамон Кахиде, Эдмундо Вендрель, Томас Гарсиа, Хулио Стефани, Альварес Нието, Эдуардо Васкес, Хуан Карраско, Хосе Менендес, Мануэль Сервиньо, Мануэль Ортега, Франсиско Диас, Рохелио Лопес, Томас Фрейре, Телесфоро Мартин, Хосе Боррего, Мануэль Гонсалес, Пабло Эрреро, Рамиро Мендес, Теофанос Собрино, Антонио Родригес, Мануэль Бритос, Хорхе Рей Вильяльба, Сильвестре Агра, Аурелио

Эрнандес и др.[95] Сосланных убивали в местах ссылки. Только в ссылке в Ушуае (Патагония) с 7 октября 1930 г. по 19 февраля 1932 г. были убиты не менее 17 заключенных. (Pressdienst... 2.06.1932. Nr.7(148)).

21-22 октября 1930 г. подпольный Федеральный совет ФОРА попытался организовать общенациональную всеобщую стачку; наиболее активно в ней участвовали снова шоферы и докеры. К выступлению примкнули независимые профсоюзы и даже коммунисты. Рабочим удалось полностью парализовать порт столицы и передвижение по реке Рио-де-ла-Плата. В Мар-дель-Плата стачка оказалась полной, в Байя-Бланка и Санта-Фе ее поддержало множество трудящихся. Ответом стали новые массовые аресты в столице, Санта-Фе, Байя-Бланке и Мар-дель-Плате[96]. 6 декабря 1930 г. на улицах столицы произошли вооруженные столкновения между рабочими и полицией. Арестованные рабочие были приговорены к смерти, но позднее приговор был заменен на каторжные работы[97]. Прошли студенческие стачки в Буэнос-Айресе, Ла-Плате, Кордове и Росарио, демонстрации женщин[98].

Власти поставили перед собой задачу «полностью уничтожить ФОРА»[99]. Напротив, реформистские профсоюзы пользовались снисходительным отношением со стороны военной диктатуры.

Аргентинская ФОРА в условиях подполья и полуподполья

Военная диктатура генерала Урибуру, установившаяся в Аргентине в 1930 г., обрушила на Аргентинскую региональную рабочую федерацию (ФОРА) и других анархистов беспрецедентные удары. Анархист-толстовец Пенина был схвачен, когда писал листовку против переворота, и немедленно расстрелян. Трое членов Союза шоферов были осуждены на смерть, но затем сосланы на Огненную землю. Затем последовали суды над пекарями, шоферами, кирпичниками и другими рабочими: как членов подпольных союзов, их обвиняли в создании запрещенных законом ассоциаций. Обвиняемые были приговорены к многолетним срокам тюремного заключения. В августе 1931 г. около ста активистов ФОРА были арестованы полицией в городе Брагадо (провинция Буэнос-Айрес) по обвинению в совершении покушения. Заключенные подверглись избиениям и пыткам, а трое из них (Паскуаль Вуотто, Сантьяго Маинини и Реклю де Диаго) были осуждены на пожизненное заключение. Множество анархистов и членов ФОРА было убито, многие – при «попытке к бегству»[100]. Всего было арестовано ок.12 тыс. человек (многие из них были анархистами).

Несмотря на государственный террор, ФОРА продолжала в 1931 г. нелегально выпускать и распространять листовки, манифесты и газеты[101]. Однако диктатуре удалось в значительной мере парализовать деятельность анархистской рабочей организации. Тысячи ее членов оставались в тюрьмах и ссылках. Попытка продолжить работу союз шоферов, входивший в ФОРА. В течение года он выпустил тысячи листовок против диктатуры, издавал газету. Большинство других союзов вынуждено были ограничиваться попытками сохранить свои структуры и поддержанием «либертарного революционного духа»[102]. В то же самое

время, власти вполне терпимо относились к новому объединенному профцентру – Всеобщей конфедерации трудящихся (ВКТ), созданной в 1930 г. синдикалистами, социал-демократами и коммунистами.

В начале 1932 г., казалось, наметился перелом. Удалось возобновить выпуск анархистской газеты «Ла Протеста» под руководством Абада де Сантильяна – сначала один, затем два раза в неделю, а с 20 марта ежедневно. Были освобождены некоторые заключенные. ФОРА сумела сплотить ряды сопротивления и стала готовиться к проведению нового конгресса[103]. Но из 100 анархистских рабочих обществ, существовавших до переворота, уцелели лишь 24 союза[104]. Весной 1932 г., после официальной отмены осадного положения, ФОРА попыталась реорганизоваться, открыла помещения в различных городах и стала проводить митинги за освобождение заключенных, создав комитет защиты. В страну возвращались эмигранты. Почти во всех городах и отраслях промышленности, несмотря на экономический кризис, вновь вспыхивали социальные конфликты. В Коммодоро-Ривадавия бастовали нефтяники. В Буэнос-Айресе сапожники отвергли правительственный арбитраж и начали забастовку. С помощью стачки удалось добиться выполнения своих требований пекарям столицы. Шоферы, металлисты и докеры Буэнос-Айреса приступили к пересмотру коллективных договоров, установленных при режиме диктатуры. В Росарио пришли массовые митинги и выступления докеров и водителей трамваев. В Мар-дель-Плате полиция обстреляла бастующих докеров, в их бюро была взорвана бомба. Помимо экономических требований отдельных союзов, ФОРА в целом выдвигала моральные и политические требования: отмены всех законов и постановлений диктатуры, закрытия тюрьмы в Ушуае, освобождения всех политзаключенных, полной свободы печати и союзов, введения 6-часового рабочего дня. Она проводила митинги в столице, вызывавшие значительный отклик среди общественности, и рассчитывала в течение нескольких месяцев увеличить свои ряды до 150 тысяч членов. Организация повела энергичную агитацию за захват трудящимися и безработными помещичьих земель, ликвидацию арендаторства и социализацию земли с ее коллективной обработкой сельскохозяйственными общинами. В этом движении ФОРА видела «срочное решение проблемы растущей безработицы»[105]. Аргентинские коммунисты сообщали Интернациональному комитету металлистов Профинтерна, что ФОРА имеет свой собственный профсоюз металлистов, опирающийся на работников автомобилестроительных предприятий. По их данным, он был не меньше прокоммунистического и участвовал во многих забастовочных выступлениях[106].

В период репрессий 1930–1932 гг. в ФОРА стали проявляться некоторые идейные и тактические разногласия[107]. Активно участвовавший в деятельности ФОРА в этот период Абад де Сантильян в 1932 г. выпустил (вместе с Хуаном Ласарте) книгу «Социальная реконструкция: основы для нового здания аргентинской экономики», а в 1933 г. – книгу о ФОРА. Теперь он подчеркивал значение европейского революционного синдикализма в противовес непримиримым идеологическим традициям «форизма»[108]. «Ла Протеста», вновь выходящая под руководством Абада де Сантильяна, стала выступать за пересмотр традиционной для ФОРА позиции по вопросу о прекращении функций рабочих союзов после революции. В статье, опубликованной в газете 21 апреля 1932 г., подчеркивалась необходимость «подготовки революции» и утверждалось, что «следующая революция не будет осуществлена анархией». Ее результатом должно быть преобразование экономической социальной жизни, позволяющее «всем людям жить плодами своего труда и

обладать социальными богатствами». Рабочие союзы, писала «Ла Протеста», должны стать в этой революции «единственными формами организации, с помощью которых мы сможем взять руководство экономической жизнью из рук капиталистов и передать его в руки рабочих». Им надлежит, таким образом, «прийти на смену капитализму». В том же духе была выдержана и передовая статья в номере от 22 апреля. В ней содержалось утверждение, что профсоюзам следует в будущем «приобрести более широкую социальную основу», статья «тиглем, в котором выплавятся новые идеи и новая структура грядущей экономической жизни», поэтому они должны уже сейчас готовиться к будущему управлению производством. В бюллетене МАТ эти статьи были расценены как «приближение к позиции европейских анархо-синдикалистов»[109]. Последующее развитие событий показало, что большинство членов ФОРА не разделяло эти идейные «новшества».

Улучшения ситуации в стране оказались недолгими. С лета 1932 г. реакция снова перешла в наступление. Власти приступили к насильственному подавлению забастовочного движения. В июле в Тукумане была расстреляна стачка рабочих сахарной промышленности, 4 человека были убиты. В Сантьяго-дель-Эстерио полиция открыла огонь по сельскохозяйственным рабочим, убив 7 человек. Была подавлена забастовка в Росарио, что вынудило ФОРА обсуждать возможность проведения 24-часовой забастовки протеста. В ряде провинций власти ввели чрезвычайное положение[110].

В воззвании, выпущенном местной федерацией ФОРА в Буэнос-Айресе, указывалось, что полиция систематически нападает на помещения ФОРА и арестовала более 500 рабочих, а судебные власти дали санкцию властям на подавление забастовочного движения. Тюрьма Вилья-Девото, печально известная в период диктатуры 1930–1931 гг., вновь заполнилась «социальными» заключенными – участниками классовой борьбы. «Капитализм атакует со всех сторон, пытается заставить замолчать наше либертарное слово и покончить с войной, которую сознательный и боевой пролетариат ведет против привилегий». ФОРА призвала трудящихся защищаться «на всех участках и всеми средствами», дать властям почувствовать «силу нашей организации» и с помощью «действий снизу» разгромить фашизм и «полицейское варварство». 2 июля союз шоферов ФОРА объявил всеобщую забастовку в знак протеста против репрессий и чтобы «предотвратить наступление реакции». Местная федерация ФОРА призвала свои союзы, автономные профсоюзы и все рабочие организации выйти на улицу и требовать освобождения арестованных, прекращения преследований и обеспечения свободы собраний и пропаганды[111].

Выпуск «Ла Протеста» был снова приостановлен. Хотя затем его удалось возобновить (газета стала выходить 2 раза в неделю), в конце года бюллетень МАТ сообщал, что «возрождение рабочего движения идет медленно»[112]. Собрать новый конгресс ФОРА так и не удалось.

Уже в 1933 г. подавление рабочего движения снова приняло формы, похожие на те, которые использовались в период диктатуры Урибуру. Вновь закрывались помещения рабочих союзов (к примеру, пекарей, шоферов и мойщиков машин в Буэнос-Айресе); активисты подвергались арестам, тюремному заключению на срок до 4 лет и ссылкам. Власти заявили о раскрытии «анархистского заговора», вновь ввели осадное положение, закрыли штаб-квартиры рабочих союзов и анархистские издания. Через несколько месяцев осадное

положение было снято, но полиция продолжала препятствовать нормальной работе союзов и изданию «Ла Протеста» с помощью систематических налетов и арестов[113].

От репрессий 1930-х гг. федерация так и не смогла до конца оправиться. В 1934 г. три ведущих рабочих союза ФОРА в столице – пекарей, шоферов и мойщиков машин – оставались под запретом, их ведущие активисты находились в тюрьмах и ссылках[114]. Пекари ФОРА организовали в 1933 г. ряд успешных забастовок на небольших пекарнях, запугав их владельцев актами саботажа[115]. Однако в конечном счете союз пекарей был настолько ослаблен репрессиями, что реформистам удалось захватить контроль над ним. Шоферы и мойщики продолжали проводить забастовки, организовывали новые группы, но не имели возможности вести активную агитацию. Тем не менее, местной федерации ФОРА в столице сумела поднять рабочих на всеобщую стачку против прихода в порт корабля с нацистскими агитаторами из Германии. В выступлении участвовали также студенты, независимые профсоюзы и даже некоторые организации ВКТ. Забастовка продолжалась в течение двух дней, рабочие на сутки задержали выгрузку нацистов на берег.

ФОРА выпускала издания отдельных союзов и вела специальную кампанию против преследования «незаконных организаций», добиваясь освобождения своих членов, осужденных на сроки от 2 до 4 лет тюрьмы и каторги. Однако ей «не удавалось вести движения с общими требованиями, поскольку рабочие из ВКТ не следовали за ней»[116].

Отношения между рабочими анархистами и другими профсоюзными и политическими организациями оставались напряженными. В 1933 г. сообщалось, что члены союза каменщиков Авельянеды, входившего в ФОРА, напали на каменщиков-коммунистов из конкурирующего профсоюза, пытавшихся устроиться на работу на их предприятии, и порвали их членские билеты. Коммунисты жаловались на то, что аналогичный инцидент произошел на собрании рабочих мозаичников, а также на кампанию, которую федерация развернула против коммунистов и их профсоюзов[117]. В 1935 г. союз каменщиков ФОРА, в который, как заявляли коммунисты, входило 300 членов, отказался поддержать забастовку, организованную прокоммунистической Федерацией строительных рабочих. Эта федерация приняла правительственное посредничество и даже подчеркивала его значение как нового и позитивного факта в классовой борьбе[118].

В сентябре – октябре 1934 г. ФОРА смогла созвать в Росарио «региональную» (то есть общеаргентинскую) конференцию. Трудности, в которых работали аргентинские анархистские рабочие союзы, проявились уже в том, что делегаты не стали обсуждать отчет Федерального совета, а передали его на рассмотрение местных организаций. Конференция вынуждена была заключить, что «средства и элементы, на которые может рассчитывать в своей деятельности наше движение, недостаточны для осуществления широкого плана реорганизации по всей стране». Участники призвали сделать упор на реорганизацию в тех провинциях и местностях, где ФОРА сохранила влияние. Так, создавались пропагандистские зоны с центрами в Санта-Фе, Тукумане и Сан-Хуане. В каждый из этих центров Федеральный совет назначал своего делегата, который должен был обеспечивать связь и действовать в тесном контакте с местными союзами. Средства на организационную и пропагандистскую работу согласовывались с делегатами, но находились под контролем местных союзов; совет должен был также участвовать в расходах по мере возможности.

Рабочие-анархисты подтвердили прежний курс: никаких пактов по каким-либо вопросам (включая профсоюзную деятельность, борьбу с реакцией и фашизмом и т.д.) «со всеми рабочими секторами, которые своим молчанием соучаствуют в мероприятиях государства и своими легальными действиями поддерживают и узаконивают их». Никаких союзов с теми, кто «не идентифицирует себя с движением ФОРА». В то же время, участники конференции заявили, что проявляют терпимость в отношении «тактических» соглашений, навязанных «обстоятельствами самой борьбы». В качестве примеров последних были названы стачка, совместно организованная федерацией обувщиков ФОРА и обувщиками из Всеобщей конфедерации труда, и общие выступления ФОРА и автономных профсоюзов. Для утверждения такого рода временных договоренностей должны были собираться специальные собрания делегатов.

Основными проблемами, с которыми сталкивалось в этот период рабочее движение, были безработица и государственные репрессии. Конференция рекомендовала развернуть кампанию в пользу всеобщей стачки за освобождение «социальных» заключенных и сосланных, за прекращение арестов и депортаций. В качестве таких заключенных признавались «трудящиеся, которые прямо или косвенно принимают участие в конфликтах между капиталом и трудом и в актах протеста против класса угнетателей, в устной или письменной пропаганде или которые получают и распространяют периодические издания, брошюры, манифесты и т.д., поддерживающие принципы ФОРА или близкие к ним». Их поддержка организовывалась «комитетами в поддержку заключенных и депортированных».

С целью борьбы с безработицей ФОРА вновь призвала добиваться шестичасового рабочего дня и ликвидации сдельщины. В рамках ее профессиональных организаций должны были быть образованы «биржи труда».

На конференции отмечалось ухудшение отношений между ФОРА и другими анархистскими группами в стране. В одной из резолюций указывалось, что эти группы «отклонились от принципов и методов борьбы ФОРА». Другая подчеркивала, что газета «Ла Протеста», долгие годы служившая органом движения, также «отклонилась» от его траектории, «утратила доверие» ФОРА и не может больше рассчитывать на поддержку ее активистов. Органом федерации была объявлена газета «Органисасьон обрера», издаваемая Федеральным советом[119].

При консервативных правительствах (1932–1943 гг.) репрессии приобрели более «обыденный» характер. ФОРА работала, по существу, в условиях полуподполья, ее активисты подвергались постоянным преследованиям. Так, в 1935 г. в связи с социальным конфликтом были арестованы 5 активистов из Сан-Мартина. Их обвинили в поджоге. В 1942 г. им вынесли окончательный приговор к пожизненной каторге[120].

Тем не менее, анархистское и синдикалистское движение в стране продолжало действовать[121]. ФОРА сохраняло некоторое влияние среди пищевиков, портовиков, таксистов и водителей, части строителей (водопроводчиков, кораблестроителей) и т.д. Аргентинский синдикальный союз еще удерживал некоторые позиции среди телефонистов, табачников, строителей и других рабочих[122].

Испанская революция вызвала среди анархистов Аргентины восторженную реакцию. Но очень скоро среди них выявилась разница в подходе к оценке действий испанской НКТ. ФОРА выражала солидарность с Испанской революцией, но критиковала вступление испанских либертариев в правительство и их сотрудничество с Народным фронтом. Созданная в 1935 г. Анархо-коммунистическая федерация и другие организованные анархисты, напротив, встали на сторону НКТ. Они приняли участие в создании в Буэнос-Айресе отделения «Международной антифашистской солидарности» и «Комиссии помощи испанскому народу». Хотя официально в Аргентине был восстановлен конституционный режим, репрессии продолжались, и анархистское и синдикалистское движение в стране продолжало действовать полуподпольно, не имея возможности сколько-нибудь расширить сжавшийся круг своих активистов[123]. ФОРА сохраняла некоторое влияние среди пиццайеров, докеров, таксистов и водителей, части строителей (водопроводчиков, кораблестроителей) и т.д.[124] Аргентинский синдикальный союз (УСА), также объявлявший себя «революционно-синдикалистским», еще удерживал некоторые позиции среди телефонистов, табачников, строителей и др. В марте 1938 г. ФОРА смогла созвать «региональную» (т.е. общеаргентинскую) конференцию в Диаманте. Участники выступили с обращением ко всем заключенным – жертвам репрессий во всем мире. Было решено начать кампанию в поддержку заключенных в Аргентине и против «закона о проживании», дававшего властям право высылать из страны «нежелательных иностранцев». Делегаты постановили организовать по всей стране пропагандистские туры, а там, где это невозможно – вести печатную пропаганду. ФОРА поставила перед собой задачу реорганизовать движение. Предполагалось создать комитеты по связям на всех уровнях, организовать межпрофессиональные рабочие союзы. Участники конференции вновь высказали критическую солидарность с анархистами Испании: «Независимо от альтернатив борьбы, которые поддерживают наши товарищи в Испании... и от критики, которую они заслуживают за их сотрудничество с государством и пакты с другими, авторитарными тенденциями, необходимо продолжать помогать НКТ и народу, следующему за ней в борьбе до конца (не переставая критиковать то, что заслуживает критики)...»[125].

В июле 1938 г. организация выпустила манифест «К трудящимся и народу», в котором осудила попытки властей разрушить ФОРА, продолжающиеся ссылки активистов, а также маневры политиков[126]. В 1939 г. ФОРА продолжала действовать в ситуации, близкой к подполью. В Байя-Бланка полиция захватила помещение союза рабочих-кирпичников ФОРА и произвела аресты. Газета ФОРА «Организасьон обрера» в №4 за февраль 1939 г. сообщала о новых судебных процессах против членов организации. Издание призывало развернуть пропагандистскую кампанию, чтобы способствовать возвращению к легальным формам. Оно подчеркивало необходимость «вновь завоевать улицу и вернуть наши помещения», распространять манифесты, чтобы иметь возможность оказывать влияние на общественное мнение, особенно в столице[127]. Весной 1939 г. были отданы под суд 14 активистов союза рабочих-пекарей: в итоге власти вынуждены были освободить их, но один из них был выслан в Чехословакию[128].

16 мая 1939 г. правительство издало декрет, обязывающий профсоюзы предоставлять властям информацию о себе и своих членах. Несмотря на постоянные тяжелые

преследования, ФОРА вела кампанию за независимость профсоюзов от влияния государства. Федеральный совет опубликовал манифест в связи с ростом вмешательства государства в профсоюзные вопросы, отметив, что этот процесс нарастает со времени переворота 1930 г. В заявлении ФОРА подчеркивалось, что профсоюзы должны быть органами рабочих, с помощью которых они могли бы решать все спорные вопросы с предпринимателями, без вмешательства со стороны каких-либо государственных органов. Аргентинские рабочие анархисты оказывали помощь беженцам, которые прибывали из Испании и других европейских стран. ФОРА энергично выступала против нарушений права на убежище в отношении беженцев и протестовала против практики высылки. Местная федерация ФОРА в Буэнос-Айресе опубликовала воззвание в поддержку беженцев. Организация собирала средства в фонд солидарности МАТ и в конце 1939 г. переслала Интернационалу крупную сумму денег в помощь им[129].

С 22 по 30 марта 1941 г. аргентинская ФОРА провела конференцию делегатов в Росарио. Среди обсуждавшихся тем был вопрос о взаимоотношениях с МАТ. Была принята жесткая резолюция о приостановке отношений между ФОРА и международной организацией. Решение должно было быть изучено последующим конгрессом ФОРА. Оно мотивировалось наличием серьезных расхождений во мнениях и определенных базовых концепциях между аргентинской организацией и Интернационалом.

Секретариат МАТ направил ФОРА послание, в котором попросил объяснить, как и каким образом МАТ, по мнению аргентинцев, изменила свою принципиальную позицию в решениях последнего интернационального конгресса. В ответе ФОРА, согласно отчету Секретариата МАТ за 1941 г., указывалось на следующие пункты:

- “ «1. Решение МАТ стремиться к соглашению с реформистским Интернационалом профсоюзов.
2. Изменение параграфа 7 декларации принципов; прежде всего ей [ФОРА, – В.Д.] претит следующее: «Революционный синдикализм борется с милитаризмом и войной; он выступает за пропаганду против войны и за замену постоянных армий, инструментов контрреволюции на службе у капитализма, рабочими милициями под контролем профсоюзов во время революции.
3. Изменение статута МАТ, прежде всего в том, что касается пропорционального голосования.
4. Решение пригласить ФОРА участвовать в создании молодежного синдикалистского Интернационала»[130].

В письме, направленном ФОРА в Интернационал, в частности, говорилось: «Вступление ФОРА в МАТ, попросту говоря, всегда носило, так сказать, условный характер, поскольку мы никогда не видели в МАТ более или менее эффективную гарантию тех принципов, которые

являются базовыми для нашего движения, или скорее того мнения, которого наше движение придерживается в отношении рабочего движения в целом. ФОРА всегда считала МАТ организацией, которая открывает для нее наибольшие возможности для пропаганды ее собственной концепции рабочего движения. Но ни на минуту мы не могли считать эту международную организацию тем органом, в котором ФОРА могла бы жить, не сталкиваясь с повседневными заботами, связанными с вопросами принципа, тактической линии и доктрины в рамках самой МАТ». «ФОРА, – заявлялось далее в письме, – всегда вела борьбу против идеи отдать власть профсоюзным организациям, каковы бы они ни были и какие бы доводы при этом ни приводились. Это было бы, по крайней мере, по мнению нашего движения, разновидностью синдикализма, который присваивает себе квази-революционные качества, в противоречии с анархистскими принципами, усвоенными ФОРА. Мы тем более не можем согласиться с введением пропорционального голосования в Интернационале, поскольку это означало бы возмутительную несправедливость в рядах самой МАТ. И мы не согласны с тем фактом, что нас ставят в открытую оппозицию против МАТ, предлагая создать анархо-синдикалистский молодежный Интернационал, с которым мы ведем борьбу в Аргентине по причине позиции нашего движения в этом вопросе»[131].

В ответ на заявление ФОРА, Секретариат МАТ сделал следующие замечания по спорным 4 пунктам:

“ «1) что решение МАТ стремиться к отношениям сотрудничества с профсоюзным Интернационалом, принятое на ее Парижском конгрессе 1938 г., не противоречит статутам МАТ, но, наоборот, полностью соответствует им. Оспариваемое решение было принято с целью вызвать международное прямое действие в помощь борющимся испанским рабочим.

2) что взятие рабочих милиций под контроль рабочими профсоюзами согласуется с принципами МАТ, поскольку МАТ является революционно-синдикалистским Интернационалом.

3) что изменение статут в данном отношении до сих пор имело чисто теоретическое значение и что ФОРА имеет возможность требовать пересмотра на следующем конгрессе.

4) что приглашение, сделанное ФОРА в отношении создания молодежного синдикалистского Интернационала основывалось на решении интернационального конгресса. Конгресс, равно как и Секретариат, сочли, что молодежь должна сама заняться организационной работой. Наконец, мы выражаем надежду, что это расхождение между ФОРА и МАТ исчезнет, как только между двумя организациями вновь установятся нормальные отношения»[132].

В последующие годы ФОРА продолжала поддерживать с МАТ чисто информационные контакты[133] и вернулась в Интернационал лишь после войны, когда возмущившие ее решения были пересмотрены.

Что касается Второй мировой войны, то конференция ФОРА в 1941 г. подтвердила прежнюю линию: против всех воюющих сторон, за социальную революцию. Война, с точки зрения аргентинских рабочих анархистов, шла между различными группами государств и капиталистов, которые сражались за свое господство и привилегии; она никоим образом не отвечала надеждам и чаяниям народов в борьбе за свободу и справедливость. ФОРА видела в идеологии антифашизма лишь прикрытие для интересов капитала одной из групп воюющих государств, поэтому она призвала народы мира не поддерживать войну под флагом и предлогом антифашизма и провозгласила лозунг: «Ни фашизм, ни антифашизм». Выступив за усиление антивоенной и антимилитаристской работы, конференция заявила: «Единственное решение против войны, против всех войн – это революционный союз народов!»[134].

Однако «фористам» было не до того, чтобы пытаться организовать какой-либо самостоятельный международный центр. ФОРА по-прежнему находилась в крайне трудной ситуации, поставленная перед необходимостью сопротивляться государственной политике и законодательству, которое ставило своей целью навязать принудительное разрешение трудовых конфликтов сверху. Это навлекало на аргентинских анархистов постоянные репрессии. Как сообщала местная федерация ФОРА в Буэнос-Айресе, многие части движения были принуждены работать нелегально, что усугубляло организационные трудности[135]. Рабочие анархисты активно участвовали в выступлениях трудящихся против ухудшения экономического положения, роста безработицы и правительственных мер по использованию излишков кукурузы в качестве топлива (чтобы не допустить снижения цен на продовольствие)[136]. Но положение федерации осложнилось еще больше после внутреннего раскола в начале 1943 г.[137] и особенно – в результате военного переворота 4 июня того же года. Военная хунта произвела массовые аресты, установила государственный контроль над профсоюзами, закрыла помещения ФОРА и рабочие библиотеки. Вплоть до 1945 г. федерация вновь принуждена была работать нелегально[138].

В.В. Дамье

Из книги: "Забытый Интернационал. Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами" (Т.1. М., 2006. С.44-45, 148-163, 474-489; Т.2. М., 2007. С.200-207, 566-567, 612-614)

Примечания:

[1] См.: Lopez Arango E., Abad de Santillan D. El anarquismo en el movimiento obrero. Barcelona, 1925; Lopez A. La FORA en el movimiento obrero. T.1, 2. Buenos Aires, 1987.

[2] Цит. по: Lopez Arango E., Abad de Santillan D. El anarquismo en el movimiento obrero... P.20-21.

[3] Lopez A. La FORA en el movimiento obrero. (Anexo documental). Tomo 1. Buenos Aires, 1987. P.13.

- [4] См.: Lopez Arango E., Abad de Santillan D. El anarquismo en el movimiento obrero... P.10.
- [5] Ibid. P.7-8.
- [6] Ibid. P.113-114.
- [7] Ibid. P.65.
- [8] Colombo E. La FORA. Le «finalisme» révolutionnaire // L`autre future. Paris, 2001. P.119-120.
- [9] Yerril P., Rosser L. Revolutionary syndicalism in Latin America: The FORA in Argentina. London / Doncaster, 1987. P.26.
- [10] Yerril P., Rosser L. Op. cit. P.26-27; Colombo E. Op. cit. P.120-123.
- [11] РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.72. Л.185.
- [12] Die Internationale. 1925. Juni. Nr.5. S.99-101.
- [13] Colombo E. Op. cit. P.123.
- [14] РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.72. Л.183.
- [15] РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.72. Л.185-186.
- [16] Die Internationale. 1925. Juni. Nr.5. S.99-101; Lopez A. La FORA en el movimiento obrero. (Anexo documental). Tomo 1. P.124-125.
- [17] Lopez A. La FORA en el movimiento obrero. (Anexo documental). Tomo 1. P.121-126.
- [18] Ibid. P.122-123.
- [19] Ibid. P.123-124.
- [20] Die Internationale. 1925. Juni. Nr.5. S.99-101.
- [21] Ibid. S.102-103.
- [22] Ibidem.
- [23] Ibid. S.103-104.
- [24] Vitale L. Historia Social Comparada de los pueblos de America Latina. Tomo. 3. P.82-83 - http://mazinger.sisib.uchile.cl/repositorio/lb/filosofia_y_humanidades/vitale/obras/sys/aaml/a/t3s.pdf; Der Syndikalist. 1923. Nr.21.
- [25] Der Syndikalist. 1923. Nr.21.

- [26]РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.72. Л.187.
- [27] Die Internationale. 1925. Juni. Nr.5. S.104.
- [28] Lopez A. La FORA en el movimiento obrero. (Anexo documental). Tomo 2. P.161-162.
- [29] Die Internationale. 1925. Juni. Nr.5. S.106.
- [30] Ibid. S.104; Lopez A. La FORA en el movimiento obrero. (Anexo documental). Tomo 1. P.127.
- [31] Die Internationale. 1925. Juni. Nr.5. S.105.
- [32]РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.72. Л.183.
- [33]РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.72. Лл.4-6.
- [34]РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.72. Лл.127, 70, 134.
- [35] РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.72. Лл.242, 66.
- [36] РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.72. Л.188-190.
- [37] РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.72. Лл.109-111, 127, 134-138.
- [38] Die Internationale. 1925. Juni. Nr.5. S.110.
- [39]РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.72. Лл.7-8.
- [40] Der Syndikalist». 1923. Nr.7. Beilage.
- [41] Las Internacionales. Algunas objeciones a Berlin // La Protesta. 8.04.1923. No.4370.
- [42] Lopez A. La FORA en el movimiento obrero. (Anexo documental). Tomo.1. Buenos Aires, 1987. P.127-129.
- [43] Rocker R. Sobre cosas de la Asociacion Internacional de los Trabajadores // La Protesta. 1.07.1923. No.4440.
- [44] Die Internationale. 1925. Juni. Nr.5. S.106-107.
- [45] Ibid. S.107.
- [46] Lopez A. La FORA en el movimiento obrero. (Anexo documental). Tomo.1. P. 67; Die Internationale. 1925. Juni. Nr.5. S.107.
- [47] РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.72. Л.55.
- [48] РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.72. Л.70.

[49] Die Internationale. 1925. Juni. Nr.5. S.108-109.

[50] Ibid. S.108.

[51] Ibid. S.109.

[52] Presse-Dienst herausgegeben vom Sekretariat der IAA. 13.09.1923. Nr.15.

[53] Presse-Dienst... 1.03.1924. Nr.6 (25).

[54] Bericht des II. Kongresses der Internationalen Arbeiter-Assoziation // Die Internationale. 1925. Juni. Nr.5. S.40.

[55] Vitale L. Historia Social Comparada de los pueblos de America Latina. Tomo. 3. P.52 - http://mazingher.sisib.uchile.cl/repositorio/lb/filosofia_y_humanidades/vitale/obras/sys/aaml/a/t3s.pdf.

[56] Die Internationale. 1925. Juni. Nr.5. S.106-107, 109.

[57] Abad de Santillan D. Südamerika: Die letzte Entwicklung der revolutionären Bewegung // Die Internationale. 1925. Januar. Nr.4. S.38.

[58] Presse-Dienst... 1.03.1924. Nr.6 (25).

[59] Presse-Dienst... 9.07.1924. Nr.14 (33).

[60] Die Internationale. 1925. Juni. Nr.5. S.109.

[61] Presse-Dienst... 9.07.1924. Nr.14 (33). В отчете ФОРПА II конгрессу МАТ называются числа с 3 по 8 мая, см.: Die Internationale. 1925. Juni. Nr.5. S.110.

[62] Presse-Dienst... 5.04.1930. Nr.4 (119).

[63] Presse-Dienst... 3.05.1924. Nr.10 (29). Источники Профинтерна утверждали, что в союзе шоферов было всего 200 членов, см: РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.72. Л.136.

[64] Die Internationale. 1925. Juni. Nr.5. S.108.

[65] Bericht des II. Kongresses der Internationalen Arbeiter-Assoziation // Die Internationale. 1925. Juni. Nr.5. S.37, 39-40; Die Internationale. 1925. Juni. Nr.5. S.111-113.

[66] Presse-Dienst... 25.06.1925. Nr.9 (51).

[67] Presse-Dienst... 17.10.1925. Nr.15 (57).

[68] Presse-Dienst... 15.09.1928. Nr.11 (101).

[69] Presse-Dienst... 1/01.1928. Nr.1 (91).

[70] Presse-Dienst... 24.03.1928. Nr.4 (94).

[71] Presse-Dienst... 12.05.1928. Nr.6 (96).

[72] Presse-Dienst... 12.10.1928. Nr.12 (102).

[73] Presse-Dienst... 31.07.1928. Nr.9 (99).

[74] Ibid.

[75] Presse-Dienst... 12.10.1928. Nr.12(102); Lopez A. La FORA en el movimiento obrero. (Anexo documental). Tomo.2. Buenos Aires, 1987. P.129-133.

[76] Lopez A. La FORA en el movimiento obrero. (Anexo documental). Tomo.2. Buenos Aires, 1987. P.131-133.

[77] Presse-Dienst... 1.03.1930. Nr.2 (117).

[78]РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.73. Лл.89-90-об.

[79] Presse-Dienst... 28.09.1929. Nr.8 (111).

[80] Presse-Dienst... 31.12.1929. Nr.11/12 (114/115).

[81] Presse-Dienst... 1.03.1930. Nr.2 (117).

[82] Presse-Dienst... 5.04.1930. Nr.4 (119).

[83] Presse-Dienst... 31.12.1929. Nr.11/12 (114/115).

[84] Presse-Dienst... 1.04.1931. Nr.5 (132).

[85] Presse-Dienst... 24.10.1930. Nr.11 (125).

[86] Presse-Dienst... 16.08.1930. Nr.8 (122).

[87] Presse-Dienst... 19.07.1930. Nr.7 (121).

[88] Ibid.

[89] IV Weltkongress der Internationalen Arbeiter-Assoziation. Madrid, vom 16. bis 21. Juni 1931. Berlin, 1931. S.10.

[90] Presse-Dienst... 1.04.1931. Nr.5 (132).

[91] IISG, Amsterdam. IWMA Archive. No.60. Asociacion Continental Americana de los Trabajadores. Al proletariado de America y del mundo. La dictadura militar en la Argentina. P.2.

[92] Ibidem.

[93] Ibid. P.2-4.

[94] Presse-Dienst... 29.10.1930. Nr.13 (127).

[95] IISG, Amsterdam. IWMA Archive. No.60... P.3.

[96] Ibidem; Presse-Dienst... 17.01.1931. Nr.14 (128).

[97] Service de Presse... 5.06.1932. No.147.

[98] IISG, Amsterdam. IWMA Archive. No.60... P.3.

[99] Presse-Dienst... 17.01.1931. Nr.14(128).

[100]См.: Colombo E. La FORA. Le «finalisme» révolutionnaire // Pour un autre future. «Actes» du colloque international. De l`Histoire du mouvement ouvrier révolutionnaire. Paris, 2001. P.130.
Трое «узников Брагадо» были освобождены после многолетней кампании протестов лишь в 1942 г.

[101] Presse-Dienst... 4.03.1931. Nr.4 (131).

[102] Presse-Dienst... 10.04.1932. Nr.5 (146).

[103] Presse-Dienst... 1932. Nr.6 (147).

[104] La FOR A dans le mouvement syndical argentin. [Paris], ed. Partage noir., s.d.

[105] Presse-Dienst... 2.06.1932. Nr.7 (148).

[106]РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.73. Л.61-об.

[107] Presse-Dienst... 1932. Nr.6 (147).

[108]См.: Abad de Santillan D. La FORA. Ideologia y Trayectoria del Movimiento Obrero Revolucionaria en la Argentina. Buenos Aires, 1933.

[109] Presse-Dienst... 2.06.1932. Nr.7 (148).

[110] Presse-Dienst... 8.08.1932. Nr.10 (151).

[111]РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.73. Л.47.

[112] Presse-Dienst... 8.08.1932. Nr.10 (151); 10.12.1932. Nr.14 (155).

[113] Presse-Dienst...1.11.1933. Nr.168.

[114] Presse-Dienst... 15.11.1934. Nr.182.

[115]РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.73. Л.77.

[116] Presse-Dienst... 15.11.1934. Nr.182.

[117] РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.73. Л.86-86-об.

[118]Тамже. Л.98-об., 100.

[119]См.: Lopez A. La FORA en el movimiento obrero. Tomo 2. Anexo documental. Buenos Aires, 1987. P. 133-137.

[120] IISG. Amsterdam. IWMA Archive. No.32. Annual reports, rules and regulations. AIT: Rapport sur 1942. P.1-2.

[121] IISG. Amsterdam. IWMA Archive. Extraordinary Congress. Paris, 1937. No.21. Rapport moral par P.Besnard, membre du sécretariat. P.36.

[122] Madajulau G. Observaciones acerca del sindicalismo peronista // Interrogations. 1976. Mars. No.6. P.49.

[123] IISG, Amsterdam. IWMA Archive. Extraordinary Congress. Paris, 1937. No.21. Rapport moral par P.Besnard, membre du sécretariat. P.36.

[124] Madajulau G. Observaciones acerca del sindicalismo peronista // Interrogations. 1976. Mars. No.6. P.49.

[125] Service de Presse... 1.07.1938. No.7; Цит. по: Anexo documental // Lopez A. La FORA en el movimiento obrero. Tomo 2. Buenos Aires, 1987. P. 137-138.

[126] Service de Presse de l`AIT. 15.09.1938. No.12.

[127] Presse-Dienst... 1939. März. Nr.4.

[128] Service de Presse... 1939. Mai. No.6.

[129] IISG, Amsterdam. IWMA Archive. Annual reports, rules and regulations. Nr.32. Bericht über die Tätigkeit der IAA im Jahre 1939. S.5-6; Service de Presse... 1939. Septembre. No.11; 1940. Février. No.16.

[130] IISG, Amsterdam. IWMA Archive. Annual reports, rules and regulations. Nr.32. Rapport sur l`activité de l`AIT pendant l`année de 1941. P.3.

[131] Ibid. P.3-4.

[132] Ibid. P.4.

